

Тема Сталинградской битвы в воспоминаниях и в художественной литературе

Алексеев, М.Н. Мой Сталинград: через годы, через расстояния : роман, повесть / М.Н. Алексеев. – М. : Вече, 2005. – 416 с.

В книгу известного русского писателя, участника Сталинградской битвы М. Алексеева включен документально-автобиографический роман «Мой Сталинград» и повесть в письмах «Через годы, через расстояния». Роман утверждает, что Сталинград был и остается величайшим символом характера нашего народа, примером мужества и стойкости нашей страны.

...Однако и дождь не разогнал людей, которые в одну минуту из бойцов превратились в шумную неуправляемую толпу. Ночной этот галдеж легко был уловлен немецкими аировцами, которые быстро сделали необходимые расчеты и передали их на батарее шестиствольных минометов, укрывшихся в большой балке в одном километре от Елхов. Оттуда ударили сразу из всех стволов.

...До сих пор не могу понять, почему немцы после тех залпов не поднялись в ночную атаку. Худо было бы нам, защитникам Сталинграда. С величайшим трудом организованная оборона наша, можно сказать, более чем наполовину рухнула. Из тех 170 человек, приведенных к нам капитаном Баталовым, осталось не более десятка, – а сотня с лишним либо погибла у опрокинутых вверх колесами и разбитых кухонь, либо частью разбежалась (неизвестно лишь, в какую сторону), либо оказалась искалеченной и теперь подбиралась плачущими девушками – медицинскими сестрами и безмолвствующими, угрюмыми пожилыми солдатами-санитарами.

А днем, 2 сентября, командующий 64-й армией генерал-лейтенант Шумилов, склонившись бритой головой над столом в одном из ничем не примечательных домов в Бекетовке, заканчивал писать приказ. Губы его беззвучно шептали, следуя за пером, из-под которого ложились на бумагу тяжелые слова:

«1. Противник группами танков с мотопехотой, форсировав речку Червленая на участке Варваровка – Гавриловка – Нариман, стремится прорваться к Сталинграду

2. Я решил:

В течение ночи на 2 сентября вывести войска на заранее подготовленные рубежи Песчанка, Елхи, Ивановка, остановить наступление противника и уничтожить его живую силу и боевую технику, прочно удерживать этот рубеж, не допустив прорыва противника к Волге и Сталинграду.

Разъяснить всем частям и подразделениям, довести до каждого командира и бойца, что указанный рубеж является линией, дальше которой противник не может быть допущен ни в коем случае. Отступить некуда. За нами Волга и Родина. Лучше славная смерть, чем позор отхода».

К сожалению, той ночью, о которой только что рассказано, многие погибли, не успев проявить ни доблести, ни славы. Оставшиеся в живых, однако, днем позже и во все последующие дни до конца великого сражения полною мерой проявят и то, и другое. Немцы главный свой удар готовились нанести силами двух пехотных дивизий при поддержке 90-100 танков на рассвете 3 сентября в направлении как раз хутора Елхи, за которым разыгралась страшная для нас ночная трагедия. Мощным фронтовым ударом неприятелю удалось вклиниться в нашу оборону на стыке 204-й и 29-й, нашей, стало быть, дивизии и овладеть хутором Елхи. Теперь, казалось бы, не отыщется такой силы, которая могла бы остановить немцев и не дать им прорваться к Бекетовке. Но такая сила все-таки

нашлась. Откуда бы ей, казалось, взяться, когда то в одном, то в другом, а чаще всего сразу во многих местах фронт рушился, рекою текла кровь – ей было удобно скатываться со сталинградских высот по балкам, как по желобам, прямо в Волгу. Откуда же? В те дни над этим вопросом задумывались многие, в том числе и ирландская газета «Айриш Таймс». 15 сентября 1942 года в ней можно было прочесть:

«Нам говорят, времена чудес прошли. Но с военной точки зрения оборона русской армии у Сталинграда относится к области чудес. Согласно всем военным канонам, город уже давно должен быть захвачен немцами, но так же, как это случилось с Мадридом во времена гражданской войны в Испании и с Ленинградом двенадцать месяцев тому назад, военные эксперты поставлены в тупик, а человеческий элемент оказался не поддающимся учету».

Ближе к ответу подобралась тогда другая газета – английская «Манчестер Гардиан».

«В современном мире, – писала она, – национальная храбрость – не редкое качество. Это вселяет новую веру в силу духа человека. Такую храбрость в большей или меньшей степени можно отметить в народах всех стран, захваченных фашистами, но она принимает особенно драматическую форму в героизме, с которым русские встречают несчастья, вызванные жестокой войной. Русские теперь жертвуют всем, что они имеют, не думая о потерях и боли. Это заставляет Запад пересмотреть свои прошлые суждения об общественном строе этого народа».

Двое суток Елхи (а точнее, печные трубы, оставшиеся от хутора) удерживались немцами. На третьи сутки взяли их мы. С тех пор, вплоть до 20 ноября хутор много раз переходил из рук в руки, о нем время от времени упоминалось даже в сводках Совинформбюро, будто речь шла о большом городе, имеющем стратегическое значение.

Пятого сентября, когда с помощью подошедших к нам на помощь «катюш» и тяжелых танков, а также пушечных ударов из бекетовского парка, где были установлены батареи 152-миллиметровок, да еще штурмовиков «Ил-2» (мы впервые, задыхаясь от радости, увидели их в таком большом количестве), когда мы ворвались в Елхи, то впервые же, уже не из рассказов других, а собственными глазами увидели, что могли сотворить с нашими людьми немцы.

Увидев нас, выбежавших на единственную знакомую нам и не узнаваемую улицу, бежала навстречу женщина. Она рвала на себе волосы, кричала что-то, указывая на колодец, возле которого несколько дней назад минометчики устроили праздник Ивана Купалы. Женщиной этой была наша медсестра Надя.

– Гляньте, вы только гляньте, что они тут натворили, звери поганые!..

Вслед за нею мы подошли к колодцу и ужаснулись. Колодец до самого верху был забит трупами наших военнопленных.

– И Валя... Сероглазка наша там... Ее... о Боже мой!.. ее они сперва изнасиловали, а потом уж туда... вместе со всеми... Некоторые были еще живые... Коля Светличный... Его тяжело ранило... Валя ухаживала за ним... думала как-нибудь... О Господи! Да кто же, за какие грехи наши тяжкие, наслал на нас нечистую эту силу! – и Надя забилась в истерике.

Мы молчали. Мы ничего не могли сказать. Мы скажем потом. Очень скоро скажем...

Ну а я? Если б я сочинял роман по классическим его канонам, организовывал сюжет, фабулу и все прочее, разве я позволил бы себе и своему читателю расстаться со Светличным и Сероглазкой, когда их «роман» только начинался? Какую бы радость, какое бы удовольствие мне доставило вести и вести лирическую эту линию, уточняя, развивая, усложняя ее, увлекаясь все более и более сам и увлекаая вслед за собою тебя, мой читатель. А то вот мелькнули два мотылька перед тобою и погасли. Но что поделаешь? На войне все мы мотыльки. Самое обидное – то, что в отличие от нас с вами, они, те вспыхнувшие и погасшие, никогда не узнают, что через все великие муки и страдания их боевые побратимы пришли к Победе...

Алексеев, С.П. Сталинградское сражение. 1942-1943 : рассказы для детей / С.П. Алексеев ; худож. А. Лурье. – М. : Дет. лит., 2005. – 107 с. : ил. – (Великие битвы Великой Отечественной).

Автор книги – известный детский писатель, участник Великой Отечественной войны – рассказывает младшим школьникам о ее главных битвах. Вторая книга серии посвящена подвигу нашего народа в битве под Сталинградом. В книге описаны подвиги отдельно взятых людей. Автор рассказывает, какими моделями танков, самолетов и прочей техникой была оснащена советская армия и армия противника.

Мамаев курган

Лейтенант Чернышов – красавец. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

14 сентября 1942 года. С новой силой фашисты идут в атаку. Семь дивизий штурмуют город. Три тысячи орудий ведут огонь. Пятьсот фашистских танков железной ползут лавиной.

Особенно кровопролитные бои идут за Мамаев курган. Мамаев курган – самая высокая точка в городе. Видно отсюда далеко-далеко. Видно и Волгу, и степи, и левый заволжский берег.

Уже несколько раз вершина кургана переходила из рук в руки. То теснят фашисты наших бойцов, то прорвутся к вершине наши. То держат вершину наши. То вновь у фашистов она в руках. Пять раз водил солдат в атаку лейтенант Чернышов. Брови дугой, как месяц. Кудри черны, как смоль.

Начинает Чернышов шестую атаку, а сам вспоминает первую.

Добежали тогда бойцы почти до вершины. Шли перебежками. Залегали. Пережидали страшный огонь противника.

Поднимались и снова бежали вперед.

– Вперед! Вперед! – до хрипоты, обезумев, очумев от боя, кричал лейтенант Чернышов.

Вновь залегли солдаты. Переждал лейтенант Чернышов и опять:

– Вперед!

Лежат солдаты, не поднимаются.

– Вперед! – кричит Чернышов. Схватил автомат, тронул дулом одного, второго. – Вперед!

Лежат солдаты.

Подкатила здесь к сердцу злость. Перекосилось лицо от крика.

Саблей сломались брови. Скулы корежат рот.

– Вперед! – кричит лейтенант Чернышов. Лежат солдаты.

Вдруг объявился рядом с лейтенантом сержант Куценко.

– Они же мертвые, товарищ лейтенант, – тихо сказал Куценко.

Вздвогнул лейтенант Чернышов, глянул кругом, на курган, на солдат. Понял: солдаты мертвые. Живы только они вдвоем – он, Чернышов, и сержант Куценко. Отошли назад с высоты к своим.

Здесь, внизу у кургана, назначили Чернышова командовать новой группой. Снова в атаку ходил Чернышов. Вновь захлебнулась в крови атака. Не достигли они вершины ни в третий, ни в четвертый, ни в пятый раз.

Ночь наступила. Вся ночь в атаках. А когда забрезжил рассвет – страшно взглянуть кругом.

Склоны кургана в солдатских трупах. Слово, устав в походе, прилегли на часок солдаты.

Сыграй им побудку – сейчас проснутся.

Не проснутся уже солдаты. Сном непробудным спят.

– В атаку! – снова прошла команда.

Снова к вершине ведет Чернышов солдат. «Эх, силы бы свежей, силы!» Вдруг слышит – раскатом грома гремит «ура!». «Что бы такое?» Решает – причудилось. Обернулся. К кургану подходят свежие роты. В шеренгах бойцы как литые: один к одному по мерке. Это из-за Волги с левого берега пришли на помощь гвардейцы из 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева.

– Ура! Ура!

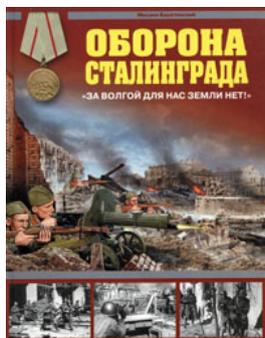
Влетели бойцы на вершину. Как волны в прибой, ударили.

В наших руках вершина.

Стоит на вершине лейтенант Чернышов. Рядом стоят солдаты. Тут же сержант Куценко. Смотрят на Волгу, на дальние дали, на левый заволжский берег.

– Все же наша взяла, – произнес лейтенант Чернышов и вдруг по-детски радостно рассмеялся. Скинул пилотку. Вытер пилоткой вспотевший лоб.

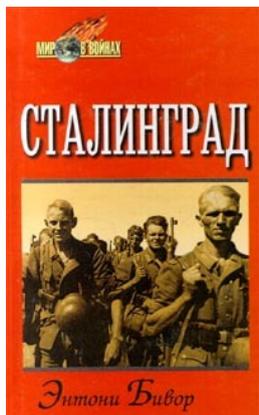
Поднял на Чернышова глаза Куценко. Что-то хотел сказать, да так и застыл. Смотрит: где же лейтенантские черные кудри? Как лунь, в седине голова Чернышова. Лишь брови все так же дугой, как месяц.

Барятинский, М.Б. Оборона Сталинграда. «За Волгой для нас земли нет!» / М.Б. Барятинский – М. : Яуза : Коллекция : Эксмо, 2007. – 94 с. : ил.

М.Б. Барятинский – историк, журналист, автор нескольких книг про Сталинградскую битву. Красная Армия отступала на Восток, вслед за ней устремились части Вермахта. Казалось – вот он финал Восточной кампании! Но в то же самое время в людях, уходивших на восток, к Сталинграду, закипала страшная энергия из ненависти к врагу и обиды и злости на самих себя. Именно эта энергия позволила им

выстоять и, в конечном счете, победить!

Бивор, Э. Сталинград / Э. Бивор ; пер. с англ. А. Жеребилова, А. Коноплева, А. Марченко, А. Фельдшерова. – Смоленск : Русич, 1999. – 448 с. : ил. – (Мир в войнах).

Книга, ставшая бестселлером в США, Великобритании и странах Европы, посвящена переломному сражению Великой Отечественной войны – Сталинградской битве. Это повествование основано на личном опыте солдат и офицеров, воевавших по разные стороны окопов. Основой для создания книги стали свидетельства участников событий.

...Некоторые группы ограничивались несогласием с режимом, другие лишь говорили о необходимости принять меры во избежание худшего. Ядро оппозиции было представлено кучкой высших офицеров, опасавшихся поражения. Эти люди надеялись, что сталинградская катастрофа создаст оптимальные условия для переворота, но ни один из представителей генералитета не был готов к решительным действиям. Офицеры среднего звена, настроенные более решительно, согласны были пойти на риск, но все их попытки, как правило, терпели неудачу. Гитлер, обладавший поразительным чутьем, имел отличную охрану и всегда менял маршруты передвижения в последний момент.

Единственными, кто решился открыто проявить свое недовольство режимом, были мюнхенские студенты. Вскоре их движение подхватили учащиеся Гамбурга, Берлина,

Штутгарта и Вены. 18 февраля активисты студенческой группы «Красная роза» разбросали по Мюнхену листовки с призывом покончить с нацизмом. В тот же день нескольких студентов арестовали за распространение прокламаций в университете Людвиг Максимилиана. Их пытали в гестапо, а затем на специальном заседании суда судья Роланд Фрайслер приговорил заговорщиков к смертной казни. Молодые люди были обезглавлены. Впоследствии многие, в том числе и профессор философии Курт Хубер, разделили их участь.

***

После окружения 6-й армии под Сталинградом Гитлер встретился с фельдмаршалом фон Манштейном. Манштейн в общих чертах обрисовал ситуацию и предложил меры, необходимые для избежания разгрома немецких войск на юге России. Гитлер пытался навязать фельдмаршалу приказ, запрещающий армии отступать, но Манштейн, который прекрасно понимал, что в данной ситуации может диктовать свои условия, потребовал для себя полной свободы действий.

Примерно в это время у фюрера появилась привычка во время разговора наклоняться вперед, опираясь руками на стол. После поражения вермахта под Сталинградом он предпочитал есть в одиночестве. Гудериан замечал в нем все большие изменения. «Левая рука Гитлера стала трястись. Он начал сильно сутулиться, но глаза его по-прежнему горят безумным огнем, а щеки покрывает неестественный румянец», – записал он в своем дневнике. Даже когда Гитлер принимал у себя Мильхома, то не высказал ни малейшего сожаления по поводу огромных потерь под Сталинградом. Он думал только о том, как бы повысить ставки и бросить на весы судьбы еще большее количество жизней. «Мы закончим войну в этом году, – обещал фюрер своим приближенным. – Я окончательно решил на тотальную мобилизацию всего населения Германии».

***

В России победа в Сталинградской битве вызвала огромный подъем, который старательно подогревался советской пропагандой. Кремлевские колокола разносили весть об окружении армии Паулюса по всей стране. На первых страницах газет печатались сообщения с фронтов, по радио непрерывно передавали военные марши. В статьях, как правило, говорилось о «суровом уроке истории, который получили авантюристы из немецкого генерального штаба». Победу Красной Армии над немецко-фашистскими захватчиками сравнивали с победой Ганнибала у Канн.

Из уст в уста передавались свежие новости о ходе боев на Волге. Когда же кровопролитное сражение окончилось наконец победой русских, люди стали говорить друг другу: «Армию, которая устроила немцам Сталинград, нельзя остановить». В тылу открыто смеялись над поверженным врагом. «Интересно, как чувствует себя фельдмаршал, которого поймали в подвале?» Один офицер, воевавший в Сталинграде, заметил: «Теперь у солдат нет ни малейшего сомнения насчет того, как закончится эта война». Армии других фронтов просили прислать к ним сталинградские дивизии для поднятия боевого духа. Впрочем, эти просьбы были совершенно излишни. Боевой дух советской армии в те дни был высок как никогда.

Некоторое время спустя Президиум Верховного Совета СССР присвоил Сталину звание Маршала Советского Союза. Тут Сталин, по крайней мере, оказался скромнее Наполеона, который сам себя короновал. Историческое значение всех предыдущих военных событий было незамедлительно пересмотрено. Поражения 1941 года вдруг оказались частью хитроумного плана, разработанного Сталиным. В тяжелые для советского народа дни имя вождя нечасто появлялось на страницах газет, но теперь «великий кормчий» и «гениальный организатор наших побед» вновь оказался впереди. Все беды и промахи были приписаны нерадивым генералам. Так до революции вину во всех напастях

царедворцев. Илья Эренбург с поразительным цинизмом писал: «В то время людям необходима была вера в вождя». Даже узники ГУЛАГа обращались к «отцу народов» в надежде, что тот исправит страшную ошибку следствия и справедливость наконец восторжествует. Народ искренне верил в коммунизм и за его победу готов был бороться до последней капли крови.

В Красной Армии произошли существенные изменения. Прежде всего, были вновь введены погоны, те самые знаки отличия, за которые большевики в 1917 году вешали белогвардейских офицеров. Причем золотая тесьма для погон была заказана британскому правительству, чему англичане несказанно удивились. Один солдат из гвардейской дивизии узнал поразительную новость от старого чистильщика обуви на железнодорожной станции. Старик ворчал: «Опять вводят золотые погоны... Совсем как у белогвардейцев». Когда боец вернулся в вагон и рассказал это своим товарищам, те сначала не поверили. «Зачем эта показуха Красной Армии?» – недоумевала она. Однако власти на сдержанный ропот бойцов не обратили никакого внимания.

Слухи об успехах Красной Армии распространились далеко за границы Советского Союза. Рассказы о героизме русских солдат и офицеров произвели на людей во всем мире, а особенно в оккупированной немцами Европе, огромное впечатление. Триумф Красной Армии резко повысил авторитет членов партии; количество желающих вступить в ВКП(б) увеличивалось с каждым днем. Смелость и отвагу советских бойцов признали даже чопорные англичане. Король Великобритании Георг VI приказал изготовить Меч Сталинграда, который надлежало вручить в дар героическому городу.

Все европейские народы понимали, что русские взвалили на свои плечи основную тяжесть в борьбе в фашистской Германии и Восточный фронт скорее сломает хребет вермахту, чем все остальные вместе взятые. Не зря один русский офицер крикнул вдогонку плененным немцам: «Мы пойдем вперед, и скоро ваш Берлин будет выглядеть так же, как разрушенный Сталинград».

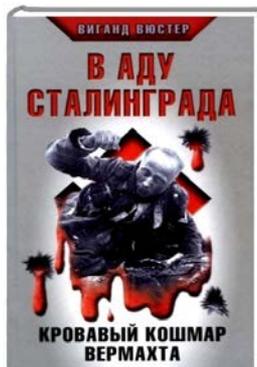

Бондарев, Ю.В. Горячий снег : роман / Ю.В. Бондарев. – М. : Дет. лит., 2010. – 464 с. – (Школьная библиотека).

Юрий Бондарев – один из ярких представителей «лейтенантской прозы» в отечественной литературе. В романе Юрия Бондарева отображены события зимы 1942 года, происходившие под Сталинградом, когда Советская Армия преградила путь танковым колоннам генерала Манштейна, прорывавшимся на помощь окруженной армии Паулюса. Роман был экранизирован.

Видер, И. Сталинградский кошмар : за кулисами битвы / И. Видер, В. Адам. – М. : Яуза-пресс, 2008. – 637. – (Солдат III Рейха).

Авторы книги – два офицера, чудом выжившие в Сталинградском аду. В мемуарах без прикрас рассказывается о том, что творилось в немецких штабах и ставке фюрера, и о том, как армия Паулюса шла навстречу бесславной смерти. В книге приведен большой документальный материал о положении немецкой группировки на Волге, о настроениях солдат и офицеров.

Вюстер, В. Кровавый кошмар Вермахта. В аду Сталинграда / В. Вюстер. – М. : Яуза-Пресс, 2010. – 320 с.

События повествуются от молодого артиллерийского офицера Виганд Вюстер, который попал на Восточный фронт весной 1942 года. Командуя батареей 150-мм гаубиц, он оказался на самом острие стремительного наступления Вермахта на Сталинград и попадает в самый «ад» битвы. Вы узнаете, что стало с ним и с остатками немецкой группировки, когда они сдались в плен. Героем описаны жуткие, реальные события ледяного ада.

...Жизнь солдат не была самой важной вещью для Гитлера, когда он думал о будущем. За катастрофу в Сталинграде во многом стоило винить Геринга. Он не мог выполнить свое обещание перебрасывать по воздуху столько припасов, сколько было нужно, – и он это знал еще до того, как обещал. Он деградировал, превратившись в напыщенного пустомелю, накачанного наркотиками.

Забираясь вместе с Бодде в транспортный самолет Ю-52 на ростовском аэродроме, я был вынужден протиснуться мимо большого, надежно принайтованного ящика с бумажной наклейкой «Рождественские поздравления командиру крепости Сталинград генерал-oberсту Паулюсу». Я счел надпись безвкусной и неуместной. По мне, крепость – тщательно выстроенная оборонительная позиция с безопасными убежищами и подходящим оборонительным вооружением, а также с достаточным количеством припасов. В Сталинграде ничего этого не было! В целом Сталинград был бардаком, который стоило как можно быстрее привести в порядок.

Думаю, в ящике была выпивка и закуска для больших чинов... по вполне понятной причине. Теперь, когда войска в окружении голодали, этот широкий жест был не к месту, был непозволителен и даже провоцировал на неповиновение.

Несколько часов прошли в ожидании, приправленным опасливым любопытством. «Юнкерс» летел над заснеженными полями, медленно набирая высоту, потом падал вниз как лифт, повторяя все это снова и снова. Не могу сказать, что моему желудку это нравилось. Я не привык летать самолетом. Слева я видел горящие сараи, дома и густой дым от горящих нефтяных баков. «Тацинская, – сказал летчик. – Аэродром, откуда снабжается Сталинград. Мы его называем Тацци. Русские недавно раскатали нас своими проклятыми танками – весь аэродром и все, что вокруг. Но теперь мы его отбили».

Вскоре мы приземлились в Морозовской, на другом аэродроме снабжения. Русские и здесь были близко. Был слышен артиллерийский огонь и лай танковых пушек. На летном поле к бомбардировщикам и истребителям подвешивали бомбы. Я слышал, как кто-то сказал: «Они сейчас быстренько подпрыгнут и разгрузятся вон там, на Ивана». В отдалении были слышны разрывы. Все вокруг нервничало.

Первым делом мы хотели согреться, найти что-нибудь поесть, а потом узнать, как нам попасть в Сталинград. Поскольку наши собирались оставить аэродром в Морозовской, можно было брать сколько хочешь зимней одежды и еды. Мы с Бодде обеспечили себя зимней формой, войлочными сапогами и ранцами, которые мы набили хлебом и консервами, в качестве маленького подарка ребятам с нашей батареей.

– Все, что мы привезем, приведет товарищей в восторг, – заметил Бодде (у немецких солдат было два слова «товарищ». Члены нацистской партии обращались друг к другу «геноссе». Это слово было официальным. А слово «камрад» было солдатским обычаем еще с первой мировой). В окружении, кажется, был настоящий голод. Вокруг стояло несколько самолетов Хе-111, в которые грузили припасы для окруженных. Туда же полетели оба наших ранца. Бодде нашел где присесть у носовой турели. Мне пришлось забираться в другой самолет и устраиваться между ящиков и мешков. Вскоре после взлета

самолет резко накренился влево. «Неправильно размещен груз, надо все быстро исправить, иначе мы не полетим!» Мы быстро сели обратно в Морозовской. Пока мы ждали в столовой, попивая шнапс, я наконец согрелся. На летном поле кипела работа. Кроме двухмоторных бомбардировщиков и нескольких Ю-52 стояли многочисленные одномоторные самолеты – «штуки» и истребители. Они непрерывно взлетали и летели бомбить близко подошедшего противника. Наводящее на нехорошие мысли множество никуда не летящих транспортных самолетов, в основном поврежденных, размещалось вдоль края летного поля. Летчик сказал, что их 60, из них всего 7 могут летать.

Я слышал, как кто-то сказал:

– Так у них со снабжением ничего не получится. Мы не можем нормально прогреть двигатель и заставить его работать на таком холоде. Всегда что-то ломается. Тацинская по уши в дерьме, и скоро тут будут русские. А тогда все, «спокойной ночи, камрад».

Второй взлет тоже оказался неудачным. «Старая кляча наконец получила свое, чертов утиль». И я снова должен был ждать. Я пошел прогуляться и оглядеть деревушку. Здесь стояла колонна из 6-й танковой дивизии, недавно прибывшей из Франции. Я вернулся в мыслях к Харькову, где прошлой весной точно так же завидовали нам, разгружавшим материальную часть. «Они еле могут двинуться от своей силы, все с иголки – танки, машины и солдаты. Все готово к зимней войне и выкрашено в белый цвет. Они производят превосходное впечатление», – подумал я.

Вокруг снова зажужжали слухи: «Мы уже прорвали окружение. Русские бегут, как раньше...» Я хотел этому верить, особенно после того как увидел эти уверенные в себе войска. Моя вера в то, что этот кризис мы преодолеем, крепла.

Правда, неизвестная мне в то время, ввергла бы меня в уныние и, скорее всего, удержала бы меня оттого, чтобы лететь в Сталинград. Я ждал, что 6-я танковая дивизия со своим отличным вооружением войдет в танковую группу Гота для наступления на Сталинград. Но их вскоре превратили в «пожарную бригаду» для того, чтобы ликвидировать прорывы русских в районе Тацинской, направленные на Ростов. Вдоль Чира шли отчаянные бои. Танковый корпус генерал-полковника Гота, со сравнительно слабыми танковыми частями, пытался с юга прорвать кольцо окружения вокруг Сталинграда. Они смогли подойти к «котлу» на 48 километров. Затем у них закончилась движущая сила. Последняя надежда 6-й армии на освобождение была утеряна. Гибель стала неминуемой.

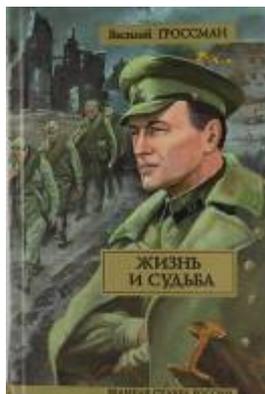
Танки Гота были все нужны на угрожающем юго-западном фронте. В сущности, Сталинград уже сдался бы еще до Рождества. Тогдашняя моя уверенность может показаться наивной, и, наверное, такой и была – но я всегда был оптимистом. Такой подход делал жизнь легче. Он позволил справиться с ужасами войны, со страхом быть убитым или искалеченным, и даже с ужасными годами советского плена.

После обеда мы попытались вылететь еще раз: на этот раз в составе трех Хе-111 мы под прикрытием облаков долетели до Дона. Над рекой облака неожиданно исчезли, и на нас сразу обрушились русские истребители. «Назад, в облака, и – на Морозовскую, хватит на сегодня!» – сказал летчик.

В тот день обнаружилась еще одна возможность улететь в Сталинград: началась заправка и дозагрузка большой группы Хе-111 с контейнерами снабжения под брюхом. Тем временем стемнело. На этот раз полет прошел без проблем. Я видел Дон, тут и там изредка поднимались сигнальные ракеты. Из-за артиллерийского огня было прекрасно видно, где проходит передовая у обеих сторон. После этого самолет начал снижение, включились посадочные огни, и шасси соприкоснулось с землей. Но самолет снова начал взлет, набрал скорость и развернулся. Я пролез через ящики к пилоту...

Новосибирск : ЮКЭА, 2002. – 240 с.

Воспоминания солдата гвардейской дивизии о страшных днях августа 1942 года у Россошинских высот на подступах к Сталинграду, когда немецким войскам, прорвавшимся к городу, не удалось развить свой стратегический успех и захватить Сталинград с ходу. Именно на Россошинских высотах и на линии Красноармейск – Бекетовка была решена судьба «сталинградского блицкрига»: в начавшейся после этого позиционной борьбе за Сталинград немецкие войска потерпели одно из самых ужасных поражений в своей истории.

Гроссман, В.С. Жизнь и судьба : роман / В.С. Гроссман ; худож. И.Г. Сальникова. – М. : АСТ : Олимп, 2001. – 878 с. – (Отражение XX век).

Это роман-эпопея со множеством сюжетных линий, многоплановый и сложный по композиции. С огромной художественной силой раскрыта в романе античеловеческая сущность фашизма, разрушающего и уничтожающего жизнь. Основное внимание в книге отведено обороне Сталинграда. Ключевым моментом обороны становятся бои за дом «шесть дробь один». Главной в романе является и тема столкновения и родства идеологий фашизма и сталинизма.

Сам автор, будучи фронтовым корреспондентом, пережил и испытал страшную тяжесть этих событий.

...Пришли самые тяжелые дни защитников Сталинграда. В неразберихе городского сражения, атак и контратак, в борьбе за «Дом специалиста», за мельницу, здание Госбанка, в борьбе за подвалы, дворы, площади стал несомненен перевес немецких сил. Немецкий клин, вколоченный в южной части Сталинграда у сада Лапшиных, Купоросной Балки и Ельшанки, ширился, и немецкие пулеметчики, укрывшись у самой воды, обстреливали левый берег Волги южнее Красной Слободы. Оперативщики каждый день отмечали на картах линию фронта, видели, как неуклонно наползали синие отметины и все таяла, утончалась полоса между красной чертой советской обороны и голубизной Волги. Инициатива, душа войны, в эти дни была в руках у немцев. Они ползли и ползли вперед, и вся ярость советских контратак не могла остановить их медленного, но отвратительно несомненного движения. А в небе от восхода до заката ныли немецкие пикировщики, долбили горестную землю фугасными бомбами. И в сотнях голов жила колючая, жестокая мысль о том, что же будет завтра, через неделю, когда полоска советской обороны превратится в нитку, порвется, искрошенная железными зубами немецкого наступления.

Поздно ночью генерал Крылов прилег в своем блиндаже на койку. В висках ломило, покалывало в горле от десятков выкуренных папирос. Крылов провел языком по сухому небу и повернулся к стене. Дремота смешала в памяти Крылова севастопольские и одесские бои, крик штурмующей румынской пехоты, мощные камнем, поросшие плющом одесские дворы и матросскую красоту Севастополя. Ему померещилось, что он вновь на командном пункте в Севастополе, и в сонном тумане поблескивали стекла пенсне генерала Петрова; сверкнувшее стекло заблестело тысячами осколков, и уже колыхалось море, и серая пыль от расколотого немецкими снарядами скального камня поплыла над головами моряков и солдат, встала над Сапун-горой. Послышался бездушный плеск волны о борт катера и грубый голос моряка-подводника: «Прыгай!».

Казалось, что прыгнул он в волну, но нога тотчас коснулась корпуса подводной лодки... И последний взгляд на Севастополь, на звезды в небе, на береговые пожары... Крылов заснул. Во сне продолжалась власть войны. Подводная лодка уходила из Севастополя в Новороссийск... Он поджимал затекшие ноги, грудь и спина взмокли от пота, шум двигателя бил в виски. И вдруг двигатель замер – лодка мягко легла на дно. Духота стала невыносима, давил металлический свод, деленный на квадраты пунктиром клепки... Он услышал многоголосый рев, плеск, – взорвалась глубинная бомба, вода ударила, сбросила его с койки. Крылов открыл глаза: кругом был огонь, мимо распахнутой двери блиндажа бежал к Волге поток пламени, слышались крики людей, стрекотание автоматов.

– Шинелью, шинелью голову закрой! – закричал Крылову незнакомый красноармеец, протягивая шинель. Но Крылов, отстраняя красноармейца, закричал:

– Где командующий? Вдруг он понял: немцы подожгли нефтебаки, и горящая нефть хлынула к Волге. Казалось, не было уже возможности выбраться живым из этого текучего огня. Огонь гудел, с треском отрываясь от нефти, заполнявшей ямы и воронки, хлеставшей по ходам сообщения. Земля, глина, камень, пропитываясь нефтью, начинали дымить. Нефть вываливалась черными, глянцевитыми струями из прошитых зажигательными пулями хранилищ, и казалось, это разворачиваются огромные рулоны огня и дыма, укупоренные в цистернах. Жизнь, которая торжествовала на земле сотни миллионов лет тому назад, грубая и страшная жизнь первобытных чудовищ, вырвалась из могильных толщ, вновь редела, топчана ножищами, выла, жадно жрала все вокруг себя. Огонь подымался на много сотен метров вверх, унося облака горячего пара, которые взрывоподобно вспыхивали высоко в небе. Масса пламени была так велика, что воздушный вихрь не успевал подавать к горящим углеродистым молекулам кислород, и плотный колышущийся черный свод отделил осеннее звездное небо от горевшей земли. Жутко было смотреть снизу на эту струящуюся, жирную и черную твердь. Огненные и дымовые столбы, стремясь вверх, то принимали мгновеньями очертания живых, охваченных отчаянием и яростью существ, то казались дрожащими тополями, трепещущими осинами. Черное и красное кружилось в лоскутах огня подобно слившимся в пляске черным и рыжим растрепанным девкам. Горящая нефть плоско расплывалась по воде и, подхваченная течением, шипела, дымила, затравленно извивалась. Удивительно, что в эти минуты уже многие бойцы знали, как можно пробраться к берегу. Они кричали: «Сюда, сюда беги, вот по этой тропке!»; некоторые люди успели два-три раза подняться к пылавшим блиндажам, помогали штабным добираться до выступа на берегу, где в огненной развилке упершихся в Волгу нефтяных потоков стояла кучка спасшихся. Люди в ватниках помогли спуститься к берегу командующему армией и офицерам штаба. Эти люди на руках вынесли из огня генерала Крылова, которого уже считали погибшим, и, поморгав обгоревшими ресницами, вновь продирались сквозь чащу красного шиповника к штабным блиндажам...

Зайцев В. Г. За Волгой для нас земли не было : записки снайпера / В. Г. Зайцев. – М. : Современник 1981. – 108 с.

Василий Зайцев – участник Сталинградского сражения, знаменитый снайпер, организатор снайперского движения в 62-й армии, Герой Советского Союза. В своих записках автор рассказывает о тяжелых днях защиты Сталинграда, где он прошел школу боевого мастерства и раскрывает перед читателями «секреты» снайперского искусства.

Становлюсь снайпером

Пять суток подряд, начиная с утра 16 октября до полудня 21-го гитлеровские войска атаковали наши позиции в заводском районе Сталинграда. Авиация, артиллерия, танки, пехота – все было брошено на подавление нашей обороны. Фашисты решили прорваться здесь к Волге во что бы то ни стало. Они осатанело лезли вперед, не считаясь с потерями. Порой думалось, что Гитлер решил потопить здесь в крови всю свою армию.

Сначала главный удар наносился на Тракторный и Баррикадный заводы – в трех-четыре километрах правее участка нашей дивизии, оборонявшей территорию завода металлических изделий, нефтехранилища, мясокомбината и половину Мамаева кургана.

Что делалось в районе Тракторного завода – мне трудно пересказать, я там не был. Но даже со стороны было жутко смотреть. Сотни самолетов без конца кружили над заводом. Кто-то подсчитал, что только 14 октября на Тракторный и Баррикадный было совершено около трех тысяч самолетов вылетов. Сколько же бомб пришлось на каждого защитника этого района? Подсчитать нетрудно, если известно, что там оборонялись три далеко не полные дивизии (одна из них, 112-я, была сведена в полк – шестьсот активных штыков). Короче говоря, лишь за один день фашисты израсходовали там на каждого бойца по полдюжины бомб.

Но участок по-прежнему встречал гитлеровцев яростным сопротивлением. Наши солдаты научились жить в огне. Врагу, наверное, казалось, что здесь стреляют камни, стреляют кирпичи, стреляют мертвые. И гитлеровцы не жалели ни бомб, ни снарядов, ни мин, стараясь растереть в песок даже камни и кирпичи, не жалели патронов и на мертвых, давили их гусеницами танков...

Тяжело смотреть со стороны, когда трудно приходится товарищам. Кажется, лучше самому там быть. Такова уж натура русского солдата. Вот почему мы попросили командира нашей дивизии Николая Филипповича Батюка послать нас, морских пехотинцев, на помощь правому соседу. Но он ответил:

– Противник только того и ждет, чтоб мы оголили свой участок обороны.

И не ошибся наш полковник, которого мы прозвали – огнеупорный Батюк. Недаром он был любимец командира 62-й...

После двухсуточной «молотьбы» территории завода «Красный Октябрь» центр огневого удара немцев стал перемещаться. Вздрыбилась земля и на нашем участке.

Что думали о нас в этот момент соседи справа и слева – не знаю. Сколько бомб вывалилось на цехи завода металлических изделий, где оборонялся наш батальон, в ротах которого осталось по двадцать – тридцать активных штыков, – подсчитывать было некогда. Скажу лишь, что только в первый час обработки позиций нашего батальона гитлеровские пикировщики группами по три девятки в каждой сделали четыре захода. Сыпались и сыпались бомбы...

После авиационного удара последовал артиллерийско-минометный. Сплошной смерч.

Первую атаку пехоты мы отбили огнем пулеметов. Вторую – гранатами и огнем автоматов. Очередная атака началась массовым натиском фашистских гренадеров с трех сторон. Пришлось вступить врукопашную сначала на правом крыле обороны, затем в центре, а потом и на левом – в инструментальном цехе. Я чуть зазевался, и какой-то гренадер успел достать мою спину своим плоским, как нож, штыком.

...Каким-то образом оказался на командном пункте батальона, стою рядом с комбатом возле пролома в стене. Полдень.

Бой не утихает. Столбы дыма, пыли поднимаются вверх, валятся стены – засыпают убитых и тяжелораненых...

Появились два пожилых солдата с носилками. Они принесли раненого матроса, молча положили его рядом с нами на плащ-палатку и снова быстрым шагом пересекли

территорию заводского двора, перемахнули полотно трамвайной линии, шоссейную дорогу и скрылись в разрушенных деревянных постройках.

Так, наверное, подкинули сюда и меня, но я очухался, встал.

Передышки нет, наши отходят. Инструментальный цех снова захватили фашисты. Токарный остался в нейтральной зоне. Льдохранилище немцы отбили. Четвертая стрелковая рота старшего лейтенанта Ефиндеева отступила за трамвайную линию и закрепилась на рубеже недостроенного красного кирпичного дома.

Позавчера здесь был командир полка майор Метелев. Он приказал назначить меня снайпером. Случилось это так. Сидим в яме, слушаем командира полка. Затишье. Вдруг мой товарищ Миша Масаев, что вел наблюдение за противником, крикнул мне:

– Вася, фриц показался.

Я вскинул винтовку и, почти не целясь, дал выстрел. Фриц упал. Через несколько секунд там появился второй. Я и второго уложил.

– Кто стрелял? – спросил командир полка, наблюдая в бинокль за происходящим.

Комбат доложил:

– Главстаршина Зайцев.

– Дайте ему снайперскую винтовку, – приказал майор. И, подозревая меня, приказал:

– Товарищ Зайцев, считайте всех фашистов, которых прикончите. Два уже есть. С них и начинайте свой счет...

Я понял это указание командира полка, как приказ, но приступить к его выполнению по всем правилам не мог: не позволяла обстановка.

А сегодня наш батальон оказался в полуокружении. У нас оставался один путь – спуститься в овраг Долгий и по дну оврага – на территорию нефтебазы. А там меж труб можно незаметно пробраться к шестьдесят второй переправе. Эту тропу знали в батальоне только три человека: я, Михаил Масаев и сам комбат, но никто из нас не хотел думать о ней: тропка могла потянуть к отступлению...

Чтобы не думать об этом, я поднял голову. Там вверху, под самой крышей, вмонтирована вытяжная труба. В трубе лопастной вентилятор, к вентилятору ведет лестничный железный трап.

Позавчера я использовал это сооружение для снайперского огневого поста. Сверху хорошо было видно расположение фашистов. Рядом со мной возле вентилятора устроился корректировщик артиллерийского огня старший сержант Василий Феофанов. Связь у Василия работала плохо, в трубке трещало, пицало, он нервничал, кричал, а я не спеша перезаряжал винтовку...

Мне нравилось бить на выбор. После каждого выстрела казалось, будто слышу удар пули о голову врага. Кто-то смотрел в мою сторону, не зная, что живет последнюю секунду...

Так было позавчера. Снова бы занять эту позицию. Но только я успел подумать об этом, как взрывная волна разворотила трубу, оторвала от стены лестницу. От града осколков нам удалось ускользнуть в подвал.

В подвале располагался медицинский пункт батальона. Клава Свинцова и Дора Шахнович – та самая медсестра, что зашивала мне брюки и гимнастерку, – перевязывали раненых. И тут я вспомнил, что надо бы показать свою ногу: по дороге в подвал сорвалась повязка, и я чувствовал, как по ноге течет теплая струйка.

Подождал к Доре. Она подняла свои черные добрые глаза и с напускной строгостью сказала:

– Явился, неугомонный. Опять тебя садануло!

– Нет, сестра, на этот раз пронесло.

– Что ж ты лезешь на мои глаза?

– Влюбился!

– Нашел время...

Она продолжала перевязывать голову матроса, как бы не видя меня. Я стоял и ждал. Наконец она выпрямилась, смочила ватку в спирте, протерла руки.
– Ну, говори, влюбленный, что у тебя там!..

Золототрубов, А.М. Сталинградская битва. Зарево над Волгой : исторический роман / А.М. Золототрубов – М. : Астрель, 2008. – 510 с.

Новый роман современного писателя А. Золототрубова посвящен одному из важнейших сражений Великой Отечественной войны. Автор подробно рассказывает о событиях на Волге с лета 1942 года до зимы 1943. На основе многочисленных документов и воспоминаний участников боев он раскрывает обстановку того трудного времени.

Ильина, Е.Я. Четвертая высота : повесть / Е.Я. Ильина. – М. : АСТ, 2004. – 320 с. : ил. – (Любимое чтение).

Эта книга – об удивительной судьбе Гули Королевой, талантливой актрисе, прославленной героине Великой Отечественной войны и просто обаятельном, чутком и мудром человеке, прожившей недолгую, но интересную и очень мужественную жизнь, которую писательница знала очень хорошо. Еще в детстве Гуля научилась преодолевать трудности, воспитывать характер. Каждую свою маленькую победу она называла взятой высотой. Последняя, самая трудная высота под Сталинградом, стала подвигом отважной девушки, отдавшей жизнь в борьбе с фашизмом. Она была награждена орденом Красного Знамени посмертно.

...23 ноября 1942 года во время боя за высоту 56,8 под Сталинградом Гуля Королева выносила с поля боя раненых красноармейцев, а когда был убит командир, в критический момент боя на берегу Дона, близ хутора Панышино подняла бойцов в атаку. Первая ворвалась во вражеский окоп, несколькими бросками гранат поразила 15 немецких солдат и офицеров. В бою отважная девушка была смертельно ранена, но из последних сил продолжала сражаться, пока не подоспело подкрепление. 9 января 1943 года командованием Донского фронта она была награждена орденом Красного Знамени (посмертно).

...До высоты, казалось, рукой подать. Но каждый шаг этого пути стоил целого километра. Гуля пробиралась следом за Трояновым.

Но вот где-то совсем близко от неё охнул и приник к земле боец. Гуля оглянулась. Ранен? Так и есть. И, перехватив поудобнее свою санитарную сумку, она выбралась из траншеи и поползла к раненому. Никогда ещё не приходилось ей работать в такой трудной обстановке. Нельзя было поднять голову, встать на колени.

Лёжа опершись на локоть, Гуля кое-как забинтовала рану и огляделась: что ж теперь делать? Троянов со своей группой далеко продвинулся вперёд. Они вдвоём остались среди взрытого снарядами поля – она и раненый боец. Не бросать же его тут одного!.. Высмотрев неподалёку оставленный противником окоп, Гуля потащила туда раненого. Доползти и догнать своих! Доползти и догнать! Но по дороге к окопу она заметила ещё одного бойца, скорчившегося на земле. Уложив первого раненого на дно окопа, она поползла ко второму. И снова та же трудная, неловкая работа, снова тот же долгий путь среди рвущихся снарядов и мин к заброшенному окопу.

Она добралась до высоты, опоясанной траншеями, тогда, когда защитники высоты уже укреплялись и занимали свои места. – Наконец-то! – крикнул Троянов, завидев Гулю

издали, и по голосу его она поняла, как рад он, что она жива, и как упрекал себя за то, что взял её с собой. Они не успели перекинуться и несколькими словами. На узкой лощине, идущей от высоты Золотого Рога к высоте 56,8, вдруг с грохотом и лязгом гусениц появились вражеские танки. За ними шли немецкие автоматчики. На взрытой снарядами земле отчётливо выделялись их тёмные фигуры. По сравнению с горсточкой наших людей их было очень много – несколько сот человек.

«Контратака!» – поняла Гуля.

– По врагу – огонь! – закричал Троянов, взмахнув рукой.

И тотчас грянули залпы артиллерийских орудий, выстрелы из автоматов, застучали пулемёты. Немцы отпрянули. Всё затихло.

Но вот начался новый бой за высоту.

Гуля то перевязывала раненых, то бок о бок с бойцами была по врагу из автомата. А немцы всё усиливали огонь и с каждой минутой всё ближе подступали к позициям, которые мы только что успели занять.

Но что это значит? Оторвавшись на мгновение от автомата, Гуля увидела группу наших бойцов, отходивших по склону высоты. «Неужели не выдержали? Отступают?» – подумала Гуля.

Она не успела разобраться в том, что происходит, и скорей почувствовала, чем осознала самое важное: немцы рядом и вот-вот займут отвоёванный с таким трудом участок. Она выбежала по ходу сообщения из траншеи, бросилась бойцам наперерез и закричала задорно, уверенно, даже повелительно, будто давно привыкла командовать:

– Товарищи, за мной!

Люди остановились.

– За мной, товарищи! – ещё раз крикнула Гуля и побежала вперёд, не чувствуя под ногами земли и ещё не зная, следуют ли за ней те, кого она позвала за собой. И вдруг она услышала позади тяжёлый топот ног. Рослый боец с винтовкой наперевес обогнал её, за ним другой, третий... Вместе с ними она ворвалась в окоп, который уже успели занять немцы.

А тем временем Троянов и бойцы отбивали атаки врага. Запас патронов подходил к концу.

– Ничего, ничего, – ободряюще говорил Троянов, – подкинут, не оставят нас так!

Бойцы верили ему, но сам он с беспокойством оглядывался вокруг. Плохо дело. Этак долго не продержишься. Только и остаётся, что умереть с честью. И вдруг в конце траншеи, вынырнув откуда-то из темноты, появилась Гуля, а с ней командир батальона капитан Плотников.

За ними шли бойцы с ящиками в руках.

– Трояныч! – весело крикнула Гуля, увидев Троянова. – Подкрепление прибыло! Патроны тащим! Тореадор!

И, вспомнив арию, которую пели на перевалах Пиренеев Муссиак и Вайян Кутюрье, она пропела:

– «Тореадор, смелее в бой!»

Все бросились к патронам. Никто не спрашивал сейчас, какой ценой достались людям эти драгоценные ящики.

Опять чётко и весело заговорили пулемёты и автоматы, и немцы снова откатились.

Наступило затишье.

– Молодец, Трояныч! – сказала Гуля. – С такой горсточкой храбрецов не дал противнику занять высоту!

– Ну, а вы-то оба как нас выручили! – сказал Троянов. – Где раздобыли столько боеприпасов?

– Это пусть она расскажет, – ответил Плотников, кивнув на Гулю.

Гуля стала торопливо рассказывать о своей вылазке и вдруг, мучительно сморщившись и закусив губу, замолчала.

– Голубушка, что с тобой? – тревожно спросил Плотников.

И Троянов тоже насторожился...

– А не прогоните, если скажу?

– А куда от тебя денешься? – ответил с горькой усмешкой Плотников.

– Ногу мне поцарапало.

– Сильно?

– Да порядком.

И тут же, в траншее, Гуля принялась с помощью Плотникова и Троянова бинтовать себе ногу. Плотников сокрушённо покачал головой:

– Эх, и отправить тебя сейчас никуда нельзя – убьют по дороге...

– Да я и не уйду никуда, – сказала Гуля. – Ничего мне не сделается. Рана пустяковая.

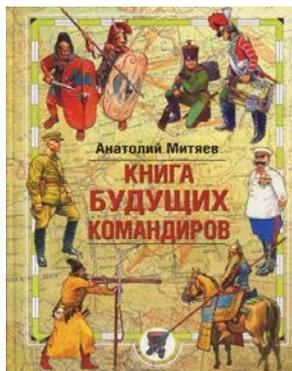
И, продолжая делать себе перевязку, она не то тихонько пела, не то бормотала:

Мы теперь далеко-далеко,

Между нами поля и луга,

До тебя мне дойти нелегко,

А до смерти четыре шага...

Митяев, А.В. Книга будущих командиров / А.В. Митяев ; ред. М. Стерлигов ; худож. Н. Зубков. – СПб. : Литера, 2002. – 447 с. : ил.

Писатель, историк и солдат Анатолий Митяев в своей самой известной книге рассказывает о великих битвах и тактике знаменитых полководцев, о героических подвигах и уникальном военном оружии всех эпох и народов от древности до советских времен. Причины, из-за которых начинаются войны, как они ведутся и чем заканчиваются – познавательное и увлекательное путешествие во времени, интересное для детей и для взрослых. Раздел «Война с фашистами» посвящен Великой Отечественной войне. В главе «Сталинградская битва» читатели познакомятся с любопытными фактами этого исторического события.

Сталинградская битва. Операция «Голубая»

Германское командование на лето 1942 года разработало новый план ведения войны. Цель оставалась прежней – разгромить Советский Союз. Но захват Москвы и Ленинграда откладывался. Главные удары были нацелены на Сталинград (теперь Волгоград) и Кавказ. Почему Гитлер и его штаб решили поступить так, а не иначе? Давай разберемся в этом. Чтобы двигались танки, автомобили, чтобы летали самолеты, нужно горючее. Без горючего машины мертвы. Припасенные гитлеровцами для молниеносной войны запасы нефти и бензина истощились. А нефтяные промыслы союзника Германии – королевской Румынии остались далеко позади фронта. На перевозку нефтепродуктов по железным дорогам уходило много времени, к тому же не каждый эшелон прибывал на станцию назначения: советские самолеты бомбили их, их взрывали партизаны. В июне 1942 года Гитлер прилетел в Полтаву на совещание командиров южной группы войск. «Если я не получу нефти Майкопа и Грозного, я должен буду покончить с этой войной», – сказал Гитлер. Вот как нужна была нефть фашистам.

Они нацеливались не только на нефть Северного Кавказа, но и на Баку, на промыслы по северному побережью Каспийского моря. Естественно, захватив эти районы, немцы оставили бы без горючего Красную Армию, ее танки, автомобили, самолеты.

Овладение Кавказом давало Германии еще много преимуществ. В таком случае у Советского Союза не осталось бы ни одного порта на Черном море и советский флот неминуемо погиб бы. Через Иран наша страна поддерживала связи с союзниками – Англией и США.

Следовательно, для таких связей остались бы лишь Дальний Восток и Север. Союзник Германии – Турция ввела бы свои войска на территорию Грузии, Армении, Азербайджана, если бы немцы достигли на Кавказе успеха.

Тем же целям служил и захват Сталинграда. Водный путь, по которому в центр страны шли нефть, зерно и другие грузы, был бы перерезан. Мы лишились бы крупного промышленного центра: на сталинградских заводах делались танки, минометы, снаряды. Захватив Сталинград, немецко-фашистские армии стали бы угрожать Москве с юга. К падению волжского города приурочивала выступление против Советского Союза Япония, которая сосредоточила на наших дальневосточных границах миллионную армию.

Германское командование учитывало и то, что район будущих боевых действий был удобен для их многочисленных танков и авиации – ровные степные просторы давали бронетанковым войскам возможность совершать стремительные и далекие рейды, от авиации же на такой же местности укрыться невозможно. И еще было обстоятельство, которое учли Гитлер и его штаб: союзники немцев – войска королевской Румынии, Венгрии и Италии (в этих странах у власти были фашисты) – охотнее воевали на юге, в условиях более привычных для себя, чем на севере нашей страны.

Гитлер, его фельдмаршалы, генералы были уверены в успехе этой операции. Все, что было связано с подготовкой к ней, хранилось в глубокой тайне. Для тайны само название операции несколько раз менялось: сначала она называлась «Зигфрид», потом «Брауншвейг», потом «Блау» – «Голубая».

Чтобы замаскировать «Голубую», чтобы отвлечь советские войска с южного направления на центральный участок фронта, немцы разработали ложную операцию, которую для убедительности назвали «Кремль». Подготовка к ложной операции проходила во всех военных документах. 29 мая был подписан «Приказ о наступлении на Москву». Сами же немцы позаботились о том, чтобы эти сведения попали в руки нашей разведки.

Так умно и, казалось, безупречно готовилось то, что через полгода сам враг назвал сталинградской катастрофой.

Оборона Сталинграда

Советские войска не смогли сдержать превосходящие силы противника, наступавшего на сталинградском направлении. Но чем ближе к Волге отходили они, тем упорнее оборонялись.

Первый адъютант генерала Паулюса Вильгельм Адам писал о тех днях: «При наступлении 6-й армии к Волге кровь немецких солдат лилась рекой».

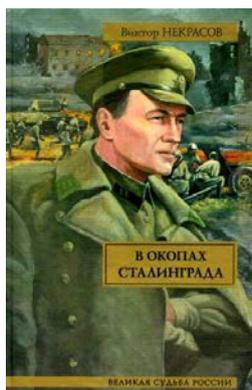
Отошли в прошлое легкие успехи западной кампании, равно как и бодрое настроение солдат... Во время моих поездок в вездеходе я постоянно встречал отставших солдат, которые после тяжелых боев разыскивали свои части. Особенно запомнились мне двое, участвовавших в сражении под Калачом. Они служили в той дивизии, куда я направлялся. Я взял их в свою машину. Сидевший за моей спиной ефрейтор, еще находясь под свежим впечатлением пережитых боев, рассказывал:

– В таком пекле даже здесь, на Востоке, мне еще не приходилось бывать. Задал нам Иван жару, у нас только искры из глаз сыпались. Счастье еще, что наши окопы глубокие, иначе от нас ничего бы не осталось. Артиллерия у русских отлично работает – что ни выстрел, то прямое попадание в наши позиции. А мы только жмемся да поглубже в дерьмо зарываемся. Много наших от их артиллерии пострадало. А самое большое проклятие – это «катюши». Фашистское командование, чтобы возместить потери, вынуждено было

постоянно перебрасывать к Сталинграду новые части, снимая их с кавказского направления и даже из Западной Европы.

В июле на сталинградском направлении действовали 42 дивизии врага, в августе – 69, а к концу сентября – 81 дивизия. Гордость вермахта – 6-я полевая армия и 4-я танковая армия тоже были у Сталинграда. Именно они и вышли к рубежам на окраинах города. Командующий 6-й армией генерал танковых войск Паулюс 12 сентября был вызван в Винницу, в ставку Гитлера. Выслушав доклад генерала, фюрер приказал ему начать штурм Сталинграда. Гитлер считал, что Красная Армия доживает последние дни и надо только ускорить ее гибель. Основную тяжесть вражеского удара в городе приняли на себя 62-я и 64-я армии, которыми командовали генерал-лейтенант, ныне Маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков и генерал Михаил Степанович Шумилов.

«Я никогда не забуду, – пишет Чуйков, – 14 сентября. Для Сталинграда оно стало одновременно одним из наиболее тяжелых и в то же время счастливых дней. В этот день враг вклинился в город большими силами западнее вокзала. Фашистские головорезы выскакивали из машин, веселились, врывались в жилые кварталы с целью поживиться тем, что еще уцелело от пожара. А наши солдаты и офицеры, спрятавшись за углы зданий, в подвалах, на чердаках домов, расстреливали зарвавшихся захватчиков. Нельзя расценить эти действия немцев иначе, как психическую атаку. Но когда они были встречены дружным огнем и поползли, будто ошпаренные кипятком тараканы, и гибли на наших глазах, вот тут-то мы и почувствовали, что сможем уничтожить фашистских захватчиков всех до единого».

Некрасов, В.П. В окопах Сталинграда : повесть / В.П. Некрасов ; авт. предисл. В. Кардин. – М. : Панорама, 2000. – 509 с. – (Русская литература. XX век).

«Битва за Сталинград была торжеством и величайшей славой русской пехоты» – это высказывание писателя, участника Сталинградского сражения В.П. Некрасова находит свое подтверждение в его повести. Это было первое произведение не о войне, а изнутри войны, рассказ не наблюдателя, а участника, находившегося на переднем крае. Произведения Некрасова о войне убедительны и достоверны. Повествование от первого лица придает особую достоверность,

приближает изображаемое к читателю.

...Город горит. Даже не город, а весь берег на всем охватываемом глазом расстоянии. Трудно даже сказать – пожар ли это. Это что-то большее. Так, вероятно, горит тайга – неделями, месяцами на десятки, сотни километров. Багровое клубящееся небо. Черный, точно выпиленный лобзиком силуэт горящего города. Черное и красное. Другого нет. Черный город и красное небо. И Волга красная. «Точно кровь», – мелькает в голове.

Пламени почти не видно. Только в одном месте, ниже по течению, короткие прыгающие языки. И против нас измятые, точно бумажные цилиндры нефтебаков, опавшие, раздавленные газом. И из них пламя – могучие протуберанцы отрываются и теряются в тяжелых, медленно клубящихся фантастических облаках свинцово-красного дыма.

В детстве я любил рассматривать старый английский журнал периода войны четырнадцатого года. У него не было ни начала, ни конца, зато были изумительные картинки – большие, на целую страницу: английские томми в окопах, атаки, морские сражения с пенящимися волнами и таранящими друг друга миноносцами, смешные, похожие на этажерки, парящие в воздухе «блерио», «фарманы» и «таубе». Трудно было оторваться.

Но страшнее всего было громадное, на двух средних страницах, до дрожи мрачное изображение горящего от немецких бомбардировок Лувена. Тут было и пламя, и клубы дыма, похожие на вату, и бегущие люди, и разрушенные дома, и прожекторы в зловещем небе. Одним словом, это было до того страшно и пленительно, что перевернуть страницу не было никаких сил. Я бесконечное количество раз перерисовывал эту картинку, раскрашивал цветными карандашами, красками, маленькими мелками и развешивал потом эти картинки по стенам.

Мне казалось, что ничего более страшного и величественного быть не может.

Сейчас мне вспоминается эта картинка. Она не плохо была исполнена. Я до сих пор помню в ней каждую деталь, каждый завиток клубящегося дыма, и мне вдруг становится совершенно ясно, как бессильно, беспомощно искусство. Никакими клубами дыма, никакими лижущими небо языками пламени и зловещими отсветами не передашь того ощущения, которое испытываю я сейчас, сидя на берегу перед горящим Сталинградом.

На том берегу идет бой. Трассирующие очереди пулеметов и автоматов стелются по самому берегу. Неужели немец уже до воды добрался? Несколько длинных очередей перелетает через Волгу и теряется на этой стороне.

Откуда-то из-за спины стреляет «катюша». Мы видели машины – восемь штук, – когда шли сюда. Раскаленные снаряды, не торопясь, плывут, обгоняя друг друга в дрожащем от зарева небе и ударяют куда-то на противоположном берегу. Разрывов не видно. Видны только вспышки. Потом доносится и треск.

Кто-то рядом со мной плюет и удовлетворенно побряхтывает. Только сейчас замечаю, что рядом с нами, растянувшись, лежат бойцы.

– Ты мерина успел подковать? – спрашивает кто-то.

– Успел. А ты?

– Лютика успел, а вороному только две передние. У него какая-то рана. Никак не дается. Приходит комбат. Тяжело дышит.

– Ей-богу, с ума сойдешь от этих переправ. Лет на пять постареешь. – Он громко сморкается. – Был генерал. Ясно сказал: сейчас мы, а потом Двадцать девятая. Только на минуту отошел от причала, а они свои ящики уже навалили. Артиллерию, видишь ли, переправили, а боеприпасы на этой стороне оставили. А кто им мешал? Я вот с каждой пушкой снаряды везу. Господи, опять этот черт.

Комбат снова скрывается. Слышно, как кого-то ругает. Возвращается.

– Ну ладно, все это чепуха. На ту сторону как-нибудь переберемся. Важно, как там...

Выясняется, что полк получил приказ к двум ноль-ноль закончить переправу; а к четырем ноль-ноль сменить почти не существующую уже на том берегу дивизию в районе «Метиз»

– Мамаев курган. Сейчас уже час, а ни один батальон еще не переправился. На той стороне только саперы, разведчики и опергруппа штаба. Командир полка и начальник штаба, кажется, тоже там. Главное, надо всю артиллерию – сорока пяти и семидесяти шести, приданную батальону, – к рассвету перетащить на передовую, на прямую наводку.

– Хорошо, – говорю я, – дашь мне две роты и петезровцев, а сам, с одной ротой, занимайся артиллерией. У тебя по скольку человек в роте?

– Человек по сто.

– Роскошно. Договорились, значит. Мне только точно место назначения дай.

– Да вот этот треугольник проклятый на карте. Откровенно говоря, я думаю, что там никого уже нет. В той дивизии человек сто, не больше. Две недели на том берегу уже дерутся.

И он опять убегает с кем-то ругаться. Голос у него такой, что, вероятно, на той стороне слышно.

Приходит катер. Он маленький, низенький, будто нарочно спрятавшийся в воду, чтобы его не было видно. На буксире разлапистая, неуклюжая баржа с длинным торчащим рулем.

Катер долго не может пристать, пятится, фырчит, брызгается винтом. Наконец сбрасывает сходни. Длинной, осторожной цепочкой спускаются раненые. Их много. Очень много. Сперва ходячие, потом на носилках. Их уносят куда-то в кусты. Слышны гудки машин. Потом грузят ящики. Закатывают пушки. Топчутся лошади по сходням. Одна проваливается, ее вытаскивают из воды и опять ведут. Против ожидания, все идет спокойно и организовано. Даже комбата моего не слышно.

Мы отчаливаем, когда уже начинает светать, и сплошная масса, как казалось раньше, чего-то неопределенного за нашей спиной превращается в легкое кружево осинника. Мы стоим, вплотную прижавшись друг к другу. Кто-то дышит мне прямо в лицо чесноком. Глухо стучит где-то под ногами машина. Кто-то грызет семечки, шумно сплевывая. Валега, облокотившись на шинель, перекинутую через борт, смотрит на горящий город.

– Большой он все-таки, – говорит кто-то за моей спиной, – как Москва.

– Не большой, а длинный, – поправляет чей-то мальчишеский голос, пятьдесят километров в длину. Я был до войны.

– Пятьдесят?

– Тютелька вютельку, от Сарепты до Тракторного. Ого!

– Что «ого»?

– Войск много надо, чтоб удержать. Дивизий десять. А то и пятнадцать.

– А ты думаешь, тут меньше? Каждую ночь перебрасывают.

Катер огибает острую, почти незаметную в темноте косу. Где-то над нами пролетают со свистом мины. Ударяются позади в воду.

– Не нравится фрицу, что едем, в Волгу спихнуть хочет.

Мальчишеский голос смеется:

– А чего же ему хотеть? Конечно, спихнуть. Рус бульбуль, – и опять смеется.

– Фрицу многое чего хочется, – вступает кто-то третий, по-видимому, пожилой, судя по голосу, – а нам никак уже дальше нельзя... До точки уже допятились. До самого края земли. Куда уж дальше...

Очкин, А.Я. Иван – я, Федоровы – мы : героическая быль / А.Я. Очкин ; худож. В. Юдин. – 2-е изд. – М. : Дет. лит., 1982. – 110 с.

В этой повести – подлинные события и почти все подлинные имена. Автор этой «героической были» – участник Сталинградской битвы, командир легендарного летучего дивизиона истребителей танков, описывает семейные, боевые дела и подвиги своего друга, «братишки» Вани Федорова, погибшего в Сталинграде смертью героя.

...Проснулся Ваня от воя сирен пикирующих «юнкерсов». Бойцы горохом посыпались из кузова, с ними и Ваня. Дымов прыгнул, махнул рукой, чтобы машины рассредоточились, побежал в придорожный кювет, но вдруг повернул назад: Аня никак не могла выбраться из машины. Только Дымов успел подхватить девушку из кузова, как подбежал Федоров и потянул его в сторону. Лейтенант не отпускал руку Ани. Так втроем они и завалились в канаву. Раздался взрыв. Пулеметная очередь угодила в ящик со снарядами на машине.

Ваня прижался к земле, но тут его больно ужалило сзади... Он дотронулся до штанов – на ладони осталась кровь. Ранило в самое неподходящее место. «Теперь все смеяться будут, а особенно эта Косопырикова... Отправит еще в госпиталь!

Горели машины, вдребезги разлетались повозки, стонали раненые.

– Окопайся и сиди здесь! – крикнул лейтенант и с Аней, Кухтой и Черношейкиным бросился спасать раненых.

«Как с резаного поросенка течет!» – досадовал Ваня. Индивидуального пакета на перевязку не хватило, пришлось сбросить гимнастерку и разорвать нижнюю рубаху на полоски.

Теперь нужно было отрыть ровик. Неподалеку, уткнувшись в землю, на противотанковом ружье лежал солдат, а сбоку у него торчала отполированная ручка саперной лопатки. Боязно было дотронуться до убитого, но Ваня превозмог себя, рванул лопатку. Торопливо вырыл небольшую ямку, попробовал свернуться в ней кренделем, но, поняв, что такая ямка не спасет, принялся снова рыть. Промокшие от крови бинты вместе со штанами присохли к телу и словно жезью раздирали рану, каждое движение причиняло боль. Углубив ровик, Ваня забрался в него, вытянул ноги и невольно вспомнил, как его, маленького, вот так же мать усаживала в корыте. Вдруг над ним возникло страшное, искаженное лицо солдата; он хотел укрыться в ровике, но, увидев, что место занято, побежал дальше и... ахнув, беспомощно осел на землю.

Ваня схватил валявшийся карабин, нашел в подсумке погибшего солдата бронебойные патроны и стал палить по крыльям бомбардировщиков, где находились бензобаки.

Неподалеку раздался шум мотора. В песчаной буре, среди вспышек разрывов и схлестнувшихся пулеметных трасс, среди сотен смертей ехал маленький, юркий «виллис». Ехал как ни в чем не бывало, лавируя между убитыми, горящими машинами, разбитыми повозками и тушами лошадей. Поравнявшись с Ваней, машина остановилась. Из нее выпрыгнул командарм Чуйков. За ним – три автоматчика и парнишка чуть постарше Вани. – Молодец! – похвалил Чуйков стрелявшего по самолетам Федорова и, заметив перевернутую взрывом повозку (у нее еще вращалось одно колесо), приказал автоматчикам взять противотанковое ружье из-под убитого, у которого Ваня вытащил лопатку. Но когда стали переворачивать убитого, тот вдруг ожил...

– Почему не стреляешь?! – с гневом затормошил его Чуйков. – Мальчишка не оробел, а ты, медведь, дрожжи продаешь!

Бронебойщик, оглохший от бомбежки, обалдело глазел на грозного генерала, свалившегося в этом аду похоже, что с неба. Поняв, что солдат не слышит, командарм схватил обрывки вожжей, привязал к колесу противотанковое ружье, зарядил, повернул колесо и выстрелил в пикирующий самолет. После этого бронебойщик бросился к ружью и начал палить, а командарм с автоматчиками и парнишкой уже поворачивали набок другие повозки и устанавливали бронебойки на колеса.

Теперь все отчаянно дрались за жизнь. Самолеты уже летали с опаской; с большой высоты бомбить узкую балку им было трудно, а обстреливать совсем невозможно. Но появилась новая опасность – дивизию настигали немецкие моторизованные части. Командарм приказал поставить пушки на прямую наводку.

Упираясь ногами в сыпучие скаты балки, Ваня помогал тащить орудие наверх. Он с интересом и некоторой завистью посмотрел на парнишку, спутника командарма, которого заметил еще во время бомбежки. Был тот старше и ростом повыше Вани, гимнастерка его и брюки сидели на нем как влитые, и носил он не ботинки с обмотками, а франтоватые сапожки. «Это только обмундировка хороша, а сам-то пожиже меня, – утешил себя Ваня. – Я бы его запросто поборол...»

Позднее он узнал, что совсем недавно этот парнишка привез на командный пункт Чуйкова тело убитого отца, начальника оперативного отдела армии Сидорина. Командарм, видя как тяжело сын переживает утрату отца, приказал ему сопровождать себя в одну из дивизий. С тех пор младший Сидорин и был неразлучен с Чуйковым.

Не успела батарея Дымова развернуться «к бою», показались немецкие танки. Они двигались стороной на большой скорости. Командарм приказал открыть огонь с дальнего расстояния.

Бой шел весь день – немцы постепенно сжимали кольцо.

Ваня, поднося к орудию снаряды, нет-нет да прикасался ладонью к своей позорной ране. Когда выступала кровь на штанах, он присаживался на песок, и получалось, что просто перепачкана обмундировка. Черношейкин спрашивал участливо: «Устал, Ванюшка?» – и разрешал встать на несколько минут заряжающим, а сам подносил снаряды. Заряжая пушку, Ваня мечтал, что, может быть, скоро ему выпадет счастье побить и за наводчика...

– Ты ранен?! – воскликнула Аня, появившаяся совсем неожиданно, и потребовала:

– Снимай штаны.

Ваня, конечно, не обратил внимания на ее слова и продолжал заряжать пушку.

– Снимай, тебе говорят! – подойдя, сказал Дымов.

– Пусть уйдет, тогда сниму.

– Держите его, – сказала лейтенанту Косопырикова, и тот послушно схватил Ваню за руки.

Она мигом содрала штаны с мальчишки и плеснула на рану йоду. Ваня презирал ее, поэтому даже не ойкнул. Она ловко и быстро его перевязала, после этого присела и стащила с себя сапог. У нее к ноге присохла старая повязка, девушка решительно отодрала ее. А Ваня-то думал, что она стерла ногу.

Небо оставалось еще светлым, а в балке уже сгущались сумерки. «Юнкерсы» прекратили обстрел и, развернувшись, легли курсом на свой аэродром. И тут все увидели скачущего вороного коня. С воздуха он хорошо был виден, потому что один из «юнкерсов», отделившись от других, спикировал на него. Немецкий летчик строчил по вороному. А тот, не разбирая дороги, несся к людям. По бокам били стремяна, подскакивая, сшибались со звоном. Конь испуганно храпел и шарахался от лежащих бойцов. Самое простое было пристрелить его, но Дымов бросился навстречу вороному, вскочил в седло и ускакал в сторону, чтобы не навлекать огонь на людей.

Наконец совсем стемнело. Выбрались из балки. Ване казалось, что их со всех сторон окружили – не вырваться из полыхающего разрывами кольца. Время от времени подъезжал Дымов, невидимый на своем черном коне, и показывал направление.

Ехали до полуночи. Потом снова заняли оборону. Теперь уже в приволжской степи, не такой полынной, как донская. Сил не было держаться на ногах. Жгла рана. Ваня отдал бы полжизни за час сна. Но все долбили землю, и он долбил. Впереди кострами пылали домики аэродрома в Гумраке. Позади во все небо – зарево. Это горел Сталинград...

Першанин, В. Штрафники Сталинграда. «За Волгой для нас земли нет!» / В. Першанин – М. : Эксмо : Яуза, 2012. – 320 с. : ил. – (Штрафбат. Они сражались за Родину!).

Новый роман от автора бестселлеров «Командир штрафной роты», «Штрафник, танкист, смертник» и «Спецназ Сталинграда» достоин войти в «золотой фонд» военной прозы. История штрафной роты, которая была сформирована одной из первых – сразу после приказа № 227 «Ни шагу назад!». Штрафники должны были использоваться на самых опасных участках. Главные герои искупили вину кровью, остановив продвижение 6-й армии Паулюса южнее Сталинграда, не позволив немцам прорваться к Волге и перерезать главную нефтяную артерию.

...Штрафные роты и батальоны создавались на основе приказа Сталина № 0227 от 28 июля 1942 года, известного под названием «Ни шагу назад». При формировании этих подразделений возникало много организационных вопросов, их решали, как могли и

насколько позволяли возможности. Ясно было одно – штрафники будут использоваться на самых опасных участках. И Юго-Восточный фронт, тянувшийся от Сталинграда через Калмыкию до Астрахани, очень подходил для такой цели.

Этот фронт был весьма своеобразным, здесь отсутствовала сплошная линия боевого соприкосновения советских и германских войск. Если глянуть на штабную карту того времени, можно увидеть вместо сплошных полос лишь синие и красные черточки разной длины. Немцы слишком распылили свои силы и не имели возможности вести широкое наступление. Бросали сюда хоть и сильные, но отдельные механизированные части. Их напор отбивали немногочисленные советские полки, немцы несли потери, не сумели достичь Волги и топтались в 150 километрах от Астрахани.

Можно понять ярость Сталина, когда большая часть населения Калмыкии перекинулась на сторону Гитлера и степняки стали наносить болезненные удары по тылам 51-й армии. И все же продвинуться дальше немцы пока не могли. Взяли Элисту, Яшкуль, Кегульту, но это были островки в бескрайней полупустынной степи.

И сама степь отнюдь не являлась идеальным местом для наступления. Перевалив через горный Ергенинский хребет, бронетехника разгоняла ход, но едва успевала тормозить и обходить препятствия. Преградой являлась цепь соленых Сарпинских озер, остатки древнего моря. Даже если вода пересыхала, то солончаки становились коварной ловушкой. Приходилось их объезжать, делая большой крюк, а на новом месте немцев ждали красноармейские части.

Огромное пространство растворяло штурмовые части вермахта, они терялись в выжженной солнцем полупустыне. Здесь шли малоизвестные на фоне Сталинграда ожесточенные схватки. О них напоминают редкие неухоженные могилы погибших красноармейцев, разбросанные среди бескрайней степи в суверенной Республике Калмыкии. Тем не менее именно в этих местах находился южный край Сталинградской битвы. О боях напоминает также монумент с реактивной установкой БМ-12 («катюша»), установленный возле села Цаца на границе Волгоградской области.

Вторая отдельная штрафная рота располагалась на окраине большого пыльного села Енотаевка. Из-за нехватки помещений личный состав поселили в коровнике, а штаб разместился в бывшей конторе. Рота представляла собой довольно крупное подразделение. Под командой капитана Митрохина находилось полтора десятка офицеров в звании младший лейтенант и выше, такое же количество сержантов.

Взводные показались Борису на одно лицо, крепкие, как бычки, молодые лейтенанты, настроенные решительно, немного повоевавшие. Выделялся замполит роты старший политрук Воронков, улыбающийся, охотно вступающий в беседу с вновь прибывшими. Ходырев по-прежнему держался рядом с капитаном Елховым, которого называл то по имени-отчеству, то по званию.

– Какой я тебе капитан? – не выдержал Елхов. – Я такой же рядовой, как и ты.

К ним присоединился услужливый боец Иван Межуев, угодивший в штрафники за кражу овса. Преступление могло показаться кому-то смешным, додумались дураки, сперли и продали пять мешков лошадиного корма. Но командира полка, который с огромным трудом добывал в безводной степи корм для лошадей, воровство очень возмутило.

В целях поднятия дисциплины устроили показательный суд, который приговорил старшину хоззвода Глухова и рядового Межуева к пяти годам лишения свободы, которое заменили на два месяца штрафной роты. Но если Прокофий Глухов на новом месте сумел занять крепкий пост старшины, то Иван Межуев стал обычным бойцом переменного состава, как официально называли штрафников.

Об этих подразделениях рассказывали страшные вещи, в которые не хотелось верить. Оказывается, штрафных солдат будут использовать при разминировании минных полей пешим ходом, обвешивать гранатами и сбрасывать в тыл врага как живые бомбы.

Предстояло прорывать вражескую оборону, ходить в лобовые атаки и поджигать бутылками с бензином вражеские танки. Даже если половина из этого правда, то перспектива рисовалась совершенно безнадежная.

Межуев, светловолосый, с мягким подбородком, в первый день долго присматривал место, затем робко подошел к Елхову:

– Разрешите, я по соседству лягу.

– Ложись, место не куплено.

Разжалованный капитан пожал плечами, а Ходырев приветливо подмигнул.

– Бросай сюда тюфяк. Ты не храпишь?

– Немножко.

– Ну, и я немного.

Разговорились. Елхов очень удивился, зачем бойцу хозвзвода понадобился овес.

– С голодухи, что ли?

– С дури, – каялся Межуев. – Спирт достали, а на закуску захотелось баранины. Чабан говорит, везите овес, я валуха для вас зарезу.

– Вот ты сам себя и зарезал. Знаешь, сколько в пехотной роте после атаки людей остается?

– Не знаю, – уныло признался бывший ездовой.

– В лучшем случае – половина. А случается, целиком рота исчезает.

– Что, всех убивают?

– Не обязательно. Получишь пулю в колено или яйца. Радуйся, что повезло.

– На хрен бы такое везенье, – плевался Межуев, а затем спросил: – Еще говорят, в пешем строю на мины посылать будут.

– Не будут, – категорично заявил Елхов.

– Ну, вот я тоже подумал, что брехня. Что же мы, не люди, хоть и проштрафились.

– На мины посылать запретили, – продолжал бывший комбат. – Ботинки взрывами рвет, расход обуви большой.

Видя, что ездовой юмора совершенно не понимает, разъяснил ему коротко и ясно:

– С аэроплана тебя, дурака, сбрасывать не станут, чести много. А в атаку раз-другой сходишь. Если уцелеешь, считай, простили.

Третьим взводом командовал младший лейтенант Дядченко, самоуверенный и во всем разбиравшийся. Уверенности ему прибавляла большая физическая сила и участие в небольшом бое, из которого он сумел выйти невредимым. За подготовку бойцов он взялся старательно, с утра бегали, занимались зарядкой, затем Дядченко повел взвод на тактические занятия. Борис Ходырев остался в роте, так как не получил обувь.

На первом занятии между бывшим комбатом и молодым взводным произошла стычка. Степану Матвеевичу Елхову не понравилась бессмысленная беготня, изображавшая занятия по теме «Взвод в наступлении». Он высказал ряд претензий, дельных, но сказанных с излишним апломбом.

– Прежде чем наступать, надо обеспечить материальную часть. Лопаток для окапывания нет ни одной, три человека остались в роте из-за плохой обуви или из-за ее отсутствия. Не сегодня-завтра начнутся дожди, а шинели у половины людей отсутствуют.

Взвод, пока еще неполный, но уже насчитывающий человек пятьдесят, слушал внимательно. Некоторые имели в прошлом сержантские и лейтенантские звания, обладали опытом, и беготня с палками вместо винтовок напоминала детскую игру. Авторитет Елхова признали и поддержали...

Савицкий Г.А. Штрафная эскадрилья. В пылающем небе Сталинграда / Г.А. Савицкий. – М. : Эксмо, 2010. – 288.

Их не представляли к орденам за победы в воздушных боях – единственной их наградой

было право вернуться в строй. Само их существование оставалось тайной почти полвека – лишь недавно историки доказали, что в годы Великой Отечественной штрафбаты и штрафные роты воевали не только в пехоте, но в советских ВВС. Советская штрафная эскадрилья против элитной истребительной эскадры Гитлера. Наши летчики-штрафники против лучших асов Гитлера!

Симонов, К.М. Дни и ночи : повесть / К.М. Симонов. – М. : Худож. лит., 1984. – 260 с.

В повести К. Симонов описывает героизм и мужество советских воинов, чья победа над фашистскими ордами в Сталинграде положила начало коренному перелому в ходе всей второй мировой войны. Зимой 1942 г. наступили дни и ночи героической защиты домов, ставших неприступными для врага. Автор рассказывает о людях войны, увиденных своими глазами.

...Стояли первые дни ноября. Снега выпало мало, и от бесснежья ветер, свистевший среди развалин, был особенно леденящим. Летчикам с воздуха земля казалась пятнистой, черной с белым. По Волге шло сало. Переправа стала почти невозможной. Все с нетерпением ждали, когда Волга наконец совсем станет. Хотя в армии сделали некоторые запасы провианта, патронов и снарядов, но немцы атаковали непрерывно и ожесточенно, и боеприпасы таяли с каждым часом. От штаба армии теперь была отрезана еще одна дивизия, кроме дивизии Проценко. Немцы вышли к Волге не только севернее Сталинграда, но и в трех местах в самом городе. Сказать, что бои шли в Сталинграде, значило бы сказать слишком мало: почти повсюду бои шли у самого берега; редко где от Волги до немцев оставалось полтора километра, чаще это расстояние измерялось несколькими сотнями метров. Понятие какой бы то ни было безопасности исчезло: простреливалось все пространство, без исключения. Многие кварталы были целиком снесены бомбежкой и методическим артиллерийским огнем с обеих сторон. Неизвестно, чего больше лежало теперь на этой земле – камня или металла, и только тот, кто знал, какие, в сущности, незначительные повреждения наносит большому дому один, даже тяжелый артиллерийский снаряд, мог понять, какое количество железа было обрушено на город. На штабных картах пространство измерялось уже не километрами и не улицами, а домами. Бои шли за отдельные дома, и дома эти фигурировали не только в полковых и дивизионных сводках, но и в армейских, представляемых во фронт. Телефонная связь штаба армии с отрезанными дивизиями шла с правого берега на левый и опять с левого на правый. Некоторые дивизии уже давно снабжались каждая сама по себе, со своих собственных, находившихся на левом берегу, пристаней. Работники штаба армии уже два раза сами защищали свой штаб с оружием в руках, о штабах дивизий не приходилось и говорить. Через четыре дня после того как Сабуров вернулся в батальон, Проценко вызвали в штаб армии.

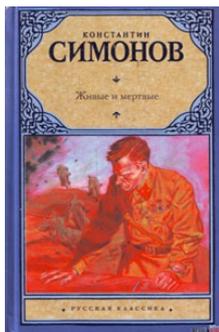
Когда в ответ на вопрос, сколько у него людей, Проценко доложил, что полторы тысячи, и спросил, нельзя ли малость подкинуть, командуящий, не дав ему договорить, сказал, что он, Проценко, пожалуй, самый богатый человек в Сталинграде и что если штабу армии до зарезу понадобятся люди, то их возьмут именно у него. Проценко, схитривший при подсчете и умолчавший о том, что он за последние дни наскреб с того берега еще сто своих тыловинов, больше не возвращался к этому вопросу. После официальной части разговора командуящий ушел, а член Военного совета Матвеев за ужином включил радиоприемник, и они долго слушали немецкое радио. К удивлению Проценко, Матвеев, никогда раньше не говоривший об этом, сносно знал немецкий язык, он переводил почти

все, что передавали немцы. – Чувствуешь, Александр Иванович, – говорил Матвеев, – какие они стали осторожные! Раньше, бывало, только еще ворвутся на окраину города – помню, так с Днепропетровском было – и уже кричат на весь мир: «Взяли». Или к Москве когда подходили, уже заранее заявляли: «Завтра парад». А теперь и на самом деле две трети заняли, а все же не говорят, что забрали Сталинград. И точных сроков не дают. А в чем, по-твоему, причина?

– В нас, – сказал Проценко. – Вот именно. И в тебе, в частности, и в твоей дивизии, хотя в ней сейчас на этом берегу всего тысяча шестьсот человек.

Проценко был неприятно поражен этой истинной цифрой и изобразил на лице деланное удивление. – Тысяча шестьсот, – повторил Матвеев. – Я уж при командующем не разоблачил тебя, что ты сто человек спрятал. Крик был бы. Он рассмеялся, довольный, что поймал хитрого Проценко. Проценко тоже рассмеялся. – Уже боятся объявлять сроки – отучили. Это хорошо... Сеня, – крикнул Матвеев адъютанту, – дай коньяку! Когда-то еще ко мне Проценко приедет. Как, по Волге-то сало пошло, а? – Да, начинает густеть, – сказал Проценко. – Завтра, наверное, переправы совсем не будет. – Это мы предвидели, – сказал Матвеев. – Только бы скорей стала Волга. Одна к ней, единственная теперь от всей России просьба.

Может не послушать, – сказал Проценко. – Послушает или не послушает, а нам с тобой все равно поблажки не будет. Придется стоять, где стоим, с тем, что имеем. Матвеев налил коньяку себе и Проценко и, чокнувшись с ним, залпом выпил. Проценко не был подавлен этим разговором, наоборот, он возвращался в дивизию, пожалуй, даже в хорошем настроении. То, что ему сегодня окончательно отказали в пополнении людьми, как это ни странно, вселило в его душу неожиданное спокойствие. До этого он каждый день с возраставшей тревогой подсчитывал потери и ждал, когда придет пополнение. Теперь на ближайшее время ждать было нечего: надо пока воевать с тем, что есть, и надеяться только на это. Ну что ж, по крайней мере, все ясно: именно те люди, которые уже переправились через Волгу и сидят сегодня вместе с ним на этом берегу, именно они и должны умереть, но не отдать за эти дни тех пяти кварталов, что достались на их долю. И хотя Проценко вполне отчетливо представил себе все последствия этого, вплоть до собственной гибели, но даже и об этом он подумал сейчас без содрогания. «Ну и что? Ну и убьют и меня, и многих других. Все равно у немцев ничего не выйдет». – Ничего не выйдет! – повторил он вслух так громко, что шедший сзади него адъютант подскочил к нему: – Что прикажете, товарищ генерал? – Ничего не выйдет, – еще раз повторил Проценко. – Ничего у них не выйдет, понял? – Так точно, – сказал адъютант. Они сели в моторку. Она еле шла, лед царапал борта. – Становится, – сказал Проценко. – Да, сало идет, – ответил сидевший на руле красноармеец! В этот предутренний час Сабуров вышел из блиндажа на воздух, подышать. У входа в блиндаж сидел Петя. Людей в батальоне теперь так мало, что в последние дни он выполнял обязанности и ординарца, и повара, и часового...

Симонов, К.М. Живые и мертвые : роман : в 3 кн. / К.М. Симонов. – М. : Русская книга, 1994.

Кн. 1 : Живые и мертвые. – 478 с.

Кн. 2 : Солдатами не рождаются. – 687 с.

Кн. 3 : Последнее лето. – 558 с.

Эпопея-трилогия, состоящая из романов, посвященных конкретным этапам войны, грандиозным операциям. В книге изображены Московская и Сталинградская битвы и множество других узловых моментов войны на передовых позициях и в глубоком тылу. Ничего не

приукрашивая, писатель показывает временные неудачи советских войск, связанные с вероломным нападением гитлеровской армии и с нашими просчетами и ошибками. Война в романе показана большей частью глазами строевых и штабных командиров. Главный герой трилогии – генерал Серпилин. Роман был экранизирован.

...У него сейчас просто не умещалось в голове, что штурм Сталинграда можно вдруг взять и отложить, то есть даже не отложить, а просто отменить, потому что в конце-то концов речь шла именно об этом.

– Подожди, как же так... – начал было он, но Иван Алексеевич прервал его:

– Вот именно: как же так? Ну и забудь все, что я сказал. Для того и сказано, чтоб умерло. Тем более что вопрос, кто прав, практически уже в прошлом, а мои переживания никому не интересны. Если хочешь знать, теперь сам желаю, надеюсь оказаться неправым! Мечтаю иметь возможность расписаться в своей ошибке! А из души не могу выбить боязнь, что пройдет время – и ход дела покажет: был прав! Иногда утром ляжешь – устал, а не спишь. Не спишь и думаешь: сколько же в самом деле приходится сдерживаться нашему брату военному человеку! Тяжела наша профессия, а на том месте, где сейчас сижу, тяжела через меру!

– Уйди.

– «Уйди»? – усмехнулся Иван Алексеевич. – Легко сказать. Сам знаешь: на войне не только тогда руки-ноги отрывает, когда рубеж берешь, но и когда с рубежа отходишь. А мне с моего нынешнего кресла отходить – тоже надо момент выбрать, чтобы отойти с руками и с ногами. Я еще воевать хочу, не быть до конца войны где-нибудь в заштатном округе отставной козы барабанщиком! В общем, два звонка уже было, жду третьего, – вдруг сказал Иван Алексеевич.

На этот раз сказал без горечи, даже с каким-то веселым вызовом судьбе, за которым чувствовалась душевная сила.

«Даже если ты и неправ!» – подумал Серпилин.

В рассуждениях Ивана Алексеевича, если принять их исходную точку, была своя, казавшаяся железной логика, и Серпилин не брал на себя со своих позиций командира дивизии самоуверенно, по первому впечатлению, решать, кто же все-таки прав в этом касавшемся целых фронтов споре, наверное, одном из многих, которые возникают и кипят в Ставке, чтобы бесследно умереть в час окончательного решения. Чувствовал только одно: если бы вдруг завтра отменили уже готовящееся наступление, в душе не смог бы согласиться с этим. Слишком страстно и нетерпеливо ждал возможности скорей покончить с немцами там, в Сталинграде, ждал, как и все другие на их Донском фронте, сверху и донизу! И, чувствуя это, знал, что в его чувстве тоже есть своя правда. И может быть, с ней, с этой правдой, и посчитались, когда отвергли предложение Ивана Алексеевича.

Подумал об этом, но вслух ничего не сказал, промолчал. Да, собственно говоря, Иван Алексеевич и не спрашивал точки зрения Серпилина. А просто вдруг прорвало, в первый раз за войну прорвало, потому что подошла такая минута и в эту минуту рядом оказался человек, о котором за четверть века дружбы твердо знаешь, что все твои слова – в него, как в могилу.

Но было в памяти и такое, что не скажешь никому, потому что и сам до конца не знаешь, как с этим быть.

Да, Сталин – это Сталин! И этим все сказано, хотя ты знаешь о нем больше многих других, знаешь и то, что было перед войной, и то, что было в начале войны, знаешь и такое, что не лезет ни в какие ворота!

В том, что он великий, – колебнулось что-то в душе в начале войны, а потом опять утвердилось, – нет, в этом ты сейчас опять не сомневаешься. А в том, что он страшный? Это ведь тоже тебе известно, и лучше, чем многим. И каждый раз, когда идешь к нему на доклад, знаешь, что рука у него не дрогнет ни перед чем.

И где кончается железная воля, и где начинается непостижимое упрямство, стоящее десятков тысяч жизней и целых кладбищ загубленной техники, не всегда сразу поймешь. Да, слушает, рассматривает и одобряет планы, принимает во внимание, не отмахивается от советов и донесений, как тогда, перед началом войны. Но это все до какой-то минуты – а потом последнее слово за ним, и слово это иногда единственное верное решение, а иногда вдруг рассудку вопреки, наперекор стихиям, и никто никакими доводами уже не заставит передумать! А вся тяжесть положения в том, что оно, это его последнее слово, все равно всегда правильно, даже когда оно неправильно. И останется правильным. И виноватые в неудачах найдутся. Должны же они каждый раз находиться, если он всегда прав.

А в то же время в его непререкаемом авторитете, даже просто в самом его имени, неимоверная сила. Как-то уж так с годами вышло, что все, во что верим: в партию, в армию, в самих себя, – все, как жилы в трос, заплетено в это имя. И на этом тросе тянем всю тяжесть войны. Всем выбивающимся из сил народом тянем, а имя на всех одно: Сталин. Ладно, пусть так! Но хотя бы при этом думать о нем, как другие, зная только одно – что великий, и не зная всего прочего, того, что лучше б не знать. А иногда ведь не можешь отделаться от чувства, что знаешь еще не все, далеко не все...

А что делать? Нечего и спрашивать. Надо делать свое дело, раз ты коммунист и солдат! Надо на своем месте долбить и долбить свою правду и честно докладывать чужую. И ее тоже долбить, каждый раз до пределов возможного.

А что больше придумаешь? Тебя и на это-то не всегда хватает! Да и не так-то оно безопасно, по правде сказать. Не такой уж ты трус, в морду-то себе зря плевать тоже незачем!

Иван Алексеевич долго и тяжело молчал, так глубоко отдавшись чему-то своему и очень далекому от Серпилина, что тот почувствовал это и, не желая мешать ему, тоже молчал.

Иван Алексеевич жил среди величин другого масштаба, чем те, среди которых жил командир дивизии Серпилин, и Серпилину очень хотелось воспользоваться редкой возможностью и спросить Ивана Алексеевича о предстоящем размахе операций, о том, как он оценивает силы немцев и какие, по его мнению, перспективы зимней кампании в масштабе всех фронтов. Но как бы ни хотелось спросить об этом, Серпилин слишком хорошо знал черту, которой не имеет права перейти даже самая беспредельная дружба, – черту, за которой на войне не спрашивают и не отвечают. И он перешел эту черту только мысленно... И вместо всего, о чем хотелось спросить, спросил только:

– Часто докладывать ходишь?

– Сейчас да. Те, что повыше меня, все разъехались. Представителями Ставки. Чутье у него страшное, – помолчав, добавил Иван Алексеевич. Иногда понимаешь, что все равно безнадежно говорить ему свое мнение, стоишь и молчишь. А он смотрит на тебя и чувствует твое отрицательное отношение к тому, что он предложил.

– Может быть, поедет под Сталинград, все же, наверное, ему интересно, сказал Серпилин.

– Тем более знакомые места.

– Наверяд ли, – пожал плечами Иван Алексеевич, но почему навряд ли, объяснить не стал.

– Ладно, давай выпьем с тобой за то, чтобы вы поскорее там у себя на фрицах крест поставили! Конечно, кухня у нас здесь, в Ставке, такая, что за все переживаешь. Кажется, то здесь, то там что-нибудь не так делается. Но если на карту взглянуть – с ноября здорово махнули! Начинаем в собственных глазах оправдываться. Трезвость, конечно, сохранять

надо. Нельзя еще выдавать все желаемое за действительное, хотя иногда за язык и тянут... Но в общем-то жить много веселей стало: гнем и ломаем их, сволочей!..

Сорокина, Л.П. Дети Сталинграда : документальная повесть / Л.П. Сорокина. – Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1983. – 144 с.

Тяжелая ноша легла на плечи детей-сталинградцев в дни великой битвы на Волге. Лишенные родителей и крова, дети оказались в Дубовском детском доме, где работала воспитателем Лилия Сорокина. Она записывала воспоминания детей, переживших страшные, тяжелые дни обороны Сталинграда.

Ступов, А.Д. 62-я армия в боях за Сталинград / А.Д. Ступов, В.Л. Кокунов. – М. : Воениздат, 1953. – 169 с.

Книга повествует о боевых действиях героической 62-й армии, принявшей на себя в битве за Сталинград главный удар немецко-фашистских войск и вместе с другими армиями Сталинградского и Донского фронтов отстоявшей волжскую твердыню. Книга написана еще в ходе Сталинградского сражения непосредственными его участниками – офицерами политотдела армии гвардии подполковниками А.Д. Ступовым и В.Л. Кокуновым. На примере 62-й армии авторы показали рост боевого мастерства и героизма доблестных защитников Сталинграда.

...В первые дни непосредственной обороны города 62-я армия была пополнена частями генерала Сараева, полковника Горохова, подполковника Болвинова, генерала Смехотворова подполковника (впоследствии генерал-майора) Батюка, генерала Родимцева, генерала Гурьева, генерала Жолудева, полковника Гуртьева. Защитники Сталинграда повседневно чувствовали сталинскую заботу о себе, знали, что Родина дает им все, что надо для победы, и это подымало дух воинов, удешевляло их силы.

Большую помощь войскам 62-й армии с первых же дней уличных боев в Сталинграде оказывала авиация Сталинградского фронта.

В своем письме к летчикам, штурманам, техникам и младшим авиаспециалистам одного воздушного соединения, написанном после разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом (11 февраля 1943 г.), командующий 62-й армией генерал Чуйков так оценил роль авиации в решающие сентябрьские дни:

«Как сейчас помню день 13 сентября прошлого года. Враг тогда всеми силами старался прорваться к Волге и разъединить наши части, действующие в заводском районе, с находящимися в центре города. Для осуществления этого замысла он избрал район высоты 102 – Мамаев Курган и бросил сюда почти всю свою авиацию. Сотни вражеских самолетов летали над нашими головами, сбрасывали на боевые порядки наших войск тысячи бомб. Вся земля содрогалась от их разрывов.

Единственное спасение было в нашей авиации. Мы запросили помощи... Прошло не больше получаса, как в воздухе появились советские истребители. Они смело ринулись на очередную стаю вражеских бомбардировщиков, рассеяли их, а шесть «мессершмиттов» вогнали в землю вместе с их экипажами. Надо было видеть, чтобы представить себе, как ожили тогда наши солдаты, как благодарны были они летчикам.

Так и всегда, когда требовалось нанести удар на решающем направлении или помешать действиям вражеской авиации, мы связывались с товарищем Хрюкиным, который бросал

в бой все, что только мог, и тем самым предоставлял нам возможность более успешно осуществлять боевые операции».

В сентябрьских воздушных боях под Сталинградом бессмертной славой покрыл себя летчик Рогальский. Штурмуя узел сопротивления противника, он повторил легендарный подвиг Гастелло. Его самолет в результате прямого попадания снаряда получил серьезное повреждение и загорелся. Рогальский направил свой горящий самолет на группу вражеских танков, автомашин и врезался в нее.

Героическая борьба защитников Сталинграда заставляла противника ежедневно подтягивать и вводить в бой новые резервы. Противнику удалось занять элеватор и консервный завод, что очень ухудшило положение наших войск в городе. 15 сентября противник захватил Купоросное. Находившиеся в Сталинграде войска 62-й армии оказались отрезанными от соседей с юга и севера и прижатыми к Волге.

Масштабы Сталинградского сражения разрастались; оно принимало все более напряженный и грандиозный характер. В эти трудные сентябрьские дни снайпер-комсомолец Василий Зайцев сказал:

– За Волгой для нас земли нет!

Эти слова выражали мысли и чувства, которыми жили все солдаты и офицеры 62-й армии. 16 сентября армейская газета вышла с лозунгом: «Назад от Сталинграда для нас дороги больше нет. Она закрыта приказом Родины, приказом народа. Отечество требует от всех защитников города биться до последнего, но удержать Сталинград».

В одном из следующих номеров армейская газета писала: «Защитники Сталинграда, ведущие уличные бои, обязаны помнить: каждый дом – это крепость, а подразделение, которое его защищает, – это гарнизон, не имеющий права сдать ее врагам».

В эти же дни Военный Совет фронта обратился к защитникам Сталинграда с приказом, призывающим их к новым подвигам.

Приводим текст приказа полностью.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ СТАЛИНГРАДСКОГО И ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТОВ

№ 7 26 сентября 1942 г.

Действующая армия.

Товарищи бойцы, командиры и политработники!

Уже скоро два месяца, как гитлеровские стервятники рвутся к Сталинграду. Через горы трупов своих солдат и офицеров, уничтоженных нашими славными воинами Юго-Восточного и Сталинградского фронтов, кровавый Гитлер снова и снова гонит свои ослабленные части в бой.

Главный удар врага пришелся на части Юго-Восточного фронта, защищающие непосредственно Сталинград. Они героически, с гордостью защищают город, который носит имя великого Сталина, отбивая ежедневно по нескольку атак танков и пехоты противника. За этот период отбито более ста атак противника, при этом бойцы, командиры и части в целом проявили исключительное упорство в борьбе и небывалый героизм. За это время уничтожены сотни танков и много другой техники врага, истреблены тысячи фашистских солдат и офицеров.

Сейчас враг находится у стен Сталинграда.

Враг, истекая кровью, продолжает рваться к городу.

Задача войск Сталинградского фронта – скорее, в наикратчайший срок оказать помощь своим братьям, защитникам Сталинграда, а войск Юго-Восточного фронта еще упорнее защищать город, нанося контрудары по зарвавшемуся врагу.

Всем войскам действовать решительно и смело, быстро и храбро.

Артиллеристам сильным огнем прокладывать путь танкам и пехоте, уничтожать противотанковую артиллерию, пехоту и танки врага.

Гвардейцам-минометчикам накрывать своим мощным огнем боевые порядки врага, его скопления, контратакующие группы, прокладывать путь пехоте и танкам, держать связь с пехотой, не отставать от нее, выдвигаться вперед и преследовать врага огнем.

Танкисты, стремительно врежьте в боевые порядки врага, стреляйте с хода, уничтожайте врага огнем и давите танками!

Пехота, своим мощным минометным, автоматическим и ружейным огнем истребляй врага всюду, где бы его ни встретила, бегом выдвигайся за танками, от танков не отставай.

Танки прикрывают пехоту, а пехота прикрывает танки. Нет танков – двигаться без них – быстрота удара решает успех боя!

Бронебойщики, уничтожайте танки и бронемашину противника! Бей в борт танка – нанесешь больше потерь врагу!

Летчики-истребители, смелее атакуйте врага в воздухе!

Штурмовики и бомбардировщики, бесстрашно атакуйте и беспощадно уничтожайте прицельным огнем врага на земле. Ни одной бомбы по пустому месту!

Требуем от всех войск величайшего напряжения и героизма, от всего командного состава – непосредственного руководства в бою. Пусть не дрогнет рука ни у одного воина в этой великой битве.

Трусам и паникерам нет места в наших рядах!

Общая задача всех родов войск – уничтожить врага под Сталинградом и положить начало его разгрому и очищению нашей страны от кровавых захватчиков. И мы этого добьемся обязательно. Для этого у нас сил и средств достаточно. Отомстим варварам, поджигателям войны, разорившим наши сады, города и заводы, опозорившим наши семьи, пролившим много крови нашего мирного населения. Нет пощады врагу, вперед смело в бой! – таков призыв Родины, таков призыв Великого вождя Сталина.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, экипажах и командах.

Военный Совет Сталинградского и Юго-Восточного фронтов

Этот приказ доводился до воинов в то время, когда на улицах происходили жестокие схватки с врагом...

Холль, Э. Когда Волга текла кровью. Панцергренадеры Гитлера в Сталинграде / Э. Холль. – М. : Яуза-пресс, 2010. – 260 с. – (Вторая Мировая война. Жизнь и смерть на Восточном фронте).

Переломное сражение Второй Мировой представлено глазами немецкого офицера, панцергренадера танковых батальонов Вермахта. Поражают события, описанные героем в огненном Сталинграде, и самое главное – выводы, сделанные когда-то бравым воином в ходе кровавой битвы.

Шретер, Х. Сталинград. Великая битва глазами военного корреспондента, 1942-1943 / Х. Шретер ; пер. с нем. А. С. Нечаева. – М. : Центрполиграф, 2008. – 315 с.

Книга немецкого военного корреспондента о битве под Сталинградом образно и точно воспроизводит драматическую обстановку великой битвы, явившейся переломным моментом Второй мировой войны. Автор пользуется многочисленными свидетельствами очевидцев и выдержками из архивных документов, приводит объективные данные о количестве вооружения и потерях воюющих сторон.